

КАТАНА

и тюльпан

МАРЬЯ ЗЕЛЕНАЯ

18+

Марья Зеленая

Катана и тюльпан

«Автор»

2026

Зеленая М.

Катана и тюльпан / М. Зеленая — «Автор», 2026

Для нее он — язычник, готовый убить и умереть во имя чести. Для него она — варварка, не умеющая ни кланяться, ни молчать. Но дорога заставит их увидеть друг в друге больше. Эмили плывет к берегам Японии навстречу выгодному замужеству. Но внезапный шквал смывает ее за борт у чужих берегов. Она остается в чужой стране без денег и документов. Сайто — самурай, для которого долг перед господином превышает собственную жизнь. Он соглашается проводить Эмили к отцу, хотя преследует совсем иную цель. Она учит его сомневаться в незыблемых законах предков. Он открывает ей Японию, которую она привыкла считать дикой страной. Но оба хранят тайны. Эмили скрывает происхождение, способное стоить ей жизни, а Сайто ведет ее не туда, куда обещал. Она принадлежит другому мужчине и другому миру. Он связан клятвой, которую не вправе нарушить. Но сердце уже сделало выбор за них. Можно ли любить того, кто вел тебя в ловушку? И можно ли остаться самураем, однажды поставив любовь выше приказа?

© Зеленая М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Марья Зеленая

Катана и тюльпан

Глава 1

Восточно-Китайское море, 1860 год

— Не нравится мне эта туча, — проворчал капитан, прищурившись глядя на горизонт.

Эмили проследила за его взглядом. И правда, впереди протянулась зловещая гряда облаков. Темная, почти черная подошва нависала над водой, а верх клубился, перетекая из одного слоя в другой, будто небо кипело изнутри.

— Полагаете, будет шторм? — поинтересовался отец.

В его голосе Эмили не услышала тревоги, да и сама тоже не волновалась. «Морской лев» — надежное судно, и за три месяца плавания она пережила на нем немало штормов. К тому же берег уже рядом: вдали сквозь туманную пелену уже проглядывали горбатые острова.

— Взгляните сами. — Капитан выпустил изо рта кольцо табачного дыма. — Ветра почти нет, а море беспокойно.

И действительно, Эмили заметила на воде темную рябь. Ветра не было, дым из трубы поднимался столбом, и застывший воздух казался тяжелым и душным. Эмили посмотрела на Эдварда. Тот стоял, небрежно облокотившись о фальшборт. Поймав ее взгляд, он ободряюще улыбнулся и обратился к капитану:

— Я слышал, в этих широтах случаются тайфуны.

Капитан пыхнул трубкой и важно кивнул.

— Случаются. Но барометр упал не так сильно. Думаю, нас ждет лишь кратковременный шквал.

— Тогда, полагаю, нам не о чем волноваться.

— Нет, но все же попрошу вас вернуться в каюты.

Капитан взял под козырек и ушел. Эдвард пригладил золотистую шевелюру и широко улыбнулся Эмили. Она смущенно улыбнулась в ответ, украдкой взглянув на отца. Тот наблюдал за чайкой, парящей у самой воды. Интересно, папа уже обо всем догадался? Он будет в полном восторге, когда Эдвард попросит ее руки.

С Эдвардом Эмили познакомилась на корабле. Ее отец служил управляющим Торгового Дома Миддлвейков, а Эдвард был сыном владельца.

Узнав, что Япония после двух веков изоляции наконец открылась для иностранцев, Миддлвейк-старший решил основать там филиал. Эту задачу он поручил отцу Эмили, а вместе с ним отправил и своего наследника — учиться торговому делу.

Поначалу Эдвард держался чопорно и отстранено, но обеды в салоне первого класса и совместные прогулки по палубе сделали свое дело. Он заметил Эмили и принялся оказывать ей знаки внимания.

Мужчины ухаживали за ней и раньше, но то был скорее легкомысленный флирт, чем нечто серьезное. Эдвард же был настроен решительно. Прошлым вечером, застав Эмили на палубе одну, он признался ей в любви.

Сначала она смутилась. Да, она испытывала к нему симпатию, но все же ей показалось, что события развиваются слишком быстро. Впрочем, за двадцать четыре года ее жизни это было первое серьезное предложение руки и сердца, поэтому долго жеманничать она не стала, и сказала «да».

Эдвард обрадовался и пообещал как можно скорее поговорить с ее отцом. Эмили не сомневалась, что папа даст свое благословение. Как она подозревала, он и согласился взять ее

в Японию лишь для того, чтобы подыскать ей выгодную партию среди офицеров, дипломатов или деловых людей. Сделать это куда проще там, где европейских женщин днем с огнем не сыскать, а значит — конкуренции никакой.

Молодой, красивый наследник процветающего предприятия — в Голландии о такой удаче не стоило и мечтать. Нужно ловить жениха прямо сейчас, пока он вдали от семьи, и его родня не сможет вмешаться.

Ветер крепчал, небо затянуло тучами, посыпался мелкий дождь. Эмили зябко поежилась.

— Госпожа ван Ройен, позвольте проводить вас в каюту. — Эдвард предложил ей руку.

Эмили невольно поискала глазами отца. Тот наблюдал за ними, усмехаясь в рыжую бороду.

«Он догадался», — мелькнуло в ее голове.

— Спасибо, господин Миддлвейк. — Эмили взяла новоиспеченного жениха под руку.

Они направились к каютам. Но не успели сделать и десятка шагов, как налетел резкий ветер, и палубу захлестнуло холодным дождем. Вдалеке глухо зарокотал гром. Рябь усилилась, на сизой поверхности моря вскипели белые буруны.

Эмили крепче стиснула локоть Эдварда. Они ускорили шаг, и тут сквозь вой стихии до них донесся рев капитана:

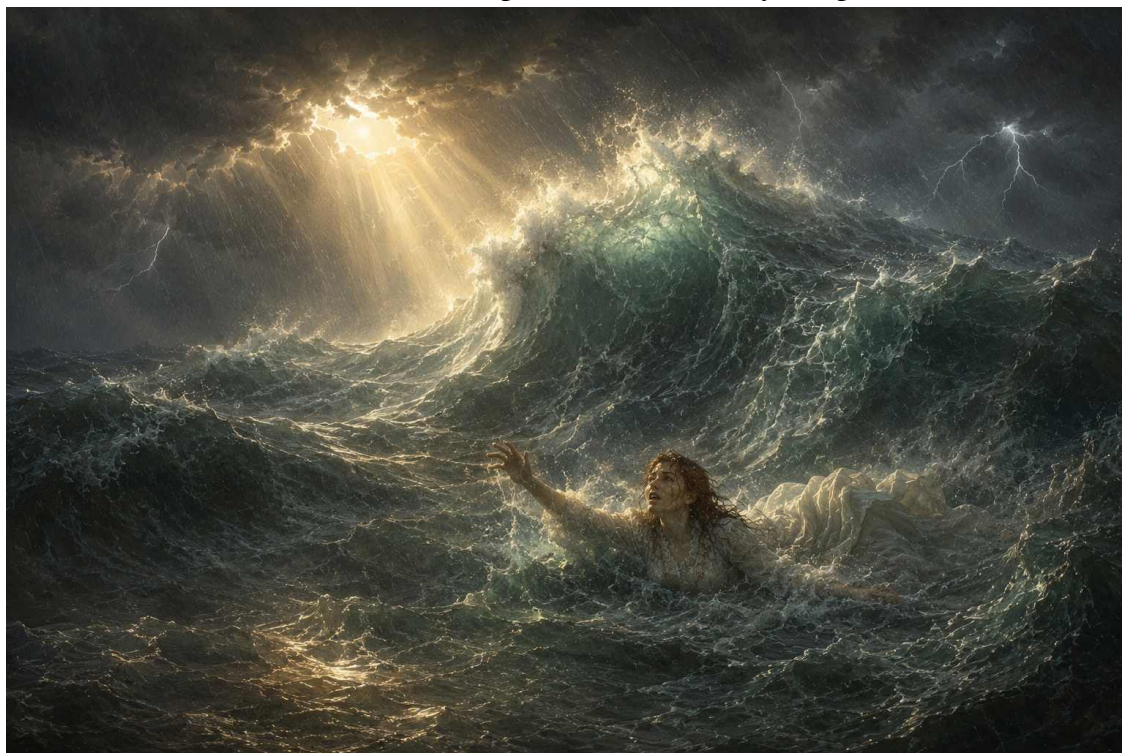
— Бизань! Дьявол бы вас побрал!

В тот же миг раздался резкий хлопок, будто выстрелили из пушки. Эмили оглушило мощным ударом, протащило по палубе и сбросило за борт в бурлящую пучину воды.

Тело пронзил адский холод. Все вокруг кружилось в вихре дождя и ревущих волн. Эмили отчаянно забила руками и ногами. К счастью, юбки надулись пузырем, не давая пойти ко дну.

Море бушевало, вздымая исполинские волны. Ветер гнал огромные массы воды, перемешивая соленые брызги и капли дождя, и в этом месиве было почти невозможно дышать. Эмили барахталась, пытаясь удержаться на поверхности, но волны подхватывали ее, как игрушку,

снова и снова захлестывая с головой. Вода была везде — в носу, в горле, в ушах. Эмили кашляла, пыталась дышать, но каждый вдох приносил только новую порцию воды.

Где корабль? Она лихорадочно оглядывалась по сторонам, но глаза заливало водой. Капли секли по лицу, дыхание срывалось. Водяная взвесь и высокие волны не давали ничего увидеть на расстоянии вытянутой руки.

Господи, где же корабль? Вокруг лишь бушующая серая мгла, прорезаемая вспышками молний. А сил оставалось все меньше. Юбки намокли и стали тянуть ко дну. Эмили попыталась расстегнуть платье, но онемевшие пальцы не слушались.

— Помогите! — закричала она, но тут же захлебнулась соленой водой.

Тщетно. Ветер так ревет, что никто ее не услышит. А даже если и услышит — вряд ли удастся спустить шлюпку при таких волнах. Неужели все кончено? Как глупо погибнуть в пучине, когда до берега уже рукой подать.

Вдруг сзади что-то коснулось ее спины. Эмили инстинктивно шарахнулась, но потом заставила себя повернуться и взглянуть. На волнах перекатывалась бочка.

Отчаянный рывок, и Эмили ухватила за борт. Бочка была пустой и без крышки, но все равно держалась на воде. Ее швыряло по волнам как бумажный кораблик.

Эмили, занозя пальцы о мокрую древесину, намертво вцепилась в края. Ее то вскидывало на гребень, то накрывало с головой. Она пыталась отыскать глазами корабль, но в бурном мареве ничего не было видно.

Вокруг — только рев океана, вспененная вода, и бесконечные волны, перекатывающиеся одна за другой. Небо и море сливались в зыбкое серо-зеленое полотно. Глаза жгло от соли, слезы смешивались с морской водой, но Эмили не сдавалась.

Руки соскальзывали с бочки, каждый вдох, полный боли и жжения, давался с огромным трудом. Она чувствовала, как слабеет, но продолжала держаться из последних сил.

Вдруг ее подхватило могучим водяным валом и понесло. Бочка отлетела куда-то вбок, а Эмили несколько секунд продержалась на гребне, потом сорвалась. Волна накрыла ее с головой и протащила по дну, грубо ударяя о камни.

Сильный удар выбил воздух из легких, и все погрузилось во тьму.

— Где я? — Эмили с трудом открыла слипшиеся от соли глаза и уперлась взглядом в закопченные стропила, поддерживающие крышу из тростника.

Она лежала на тюфяке, накрытая одеялом. Рядом потрескивал огонь. В памяти возникли соленые волны, захлестывающие ее с головой. Эмили вспомнила, как упала за борт... Что-то сбросило ее в воду, скорей всего, сорвавшийся парус или канат. Она едва не захлебнулась. Кажется, цеплялась за какую-то бочку... А потом Остальное тонуло во мраке.

Пошевелившись, Эмили обнаружила, что под одеялом на ней ничего нет.

— Где моя одежда? — всполошилась она.

«Кто-то принес меня сюда и раздел. Но зачем? — Чтобы успокоиться Эмили сделала глубокий вдох. — Ну конечно же меня раздели потому что мое платье промокло до нитки. Но где же оно?»

Она оглянулась по сторонам. Ее окружали стены из потемневших досок. В одной из них — решетчатая панель, затянутая грязно-белой бумагой, пропускающей свет. Похоже, это выход на улицу, так как больше ничего, похожего на двери, Эмили не нашла.

Пространство дома было разделено на две части. У входа — кухня с земляным полом, где в квадратном углублении горел огонь. Над этим примитивным очагом висела веревка с чайником на крючке. Возле стены стояла низкая глиняная печь, а рядом — полка со всякой утварью.

Вторая половина дома размещалась на дощатом возвышении. Кроме своего тюфяка, Эмили обнаружила здесь грубый комод с кучей ящичков и низкий столик. На полу — пара круглых циновок. И все. Никаких кроватей, стульев или шкафов.

У входа она вдруг заметила свои ботинки. Значит, где-то должно быть и платье. Продолжая осматриваться, она увидела деревянную решетку, закрепленную над очагом. Дым, проходя сквозь нее, разбивался на тонкие струйки и рассеивался под крышей.

Потолка в доме не было, а вместо него под стропилами простирался настил из бамбуковых прутьев. На нем сушились пучки трав и темная груда тряпья, в котором Эмили узнала свою одежду.

— Мое платье! — обрадовалась она.

Должно быть его положили туда для просушки. Нужно одеться, пока не вернулись хозяева. Закутавшись в одеяло, Эмили села на тюфяке, но тут же охнула, хватаясь за ребра. Крепко же ее протащило по камням! Она ощупала себя. Несколько ушибов и ссадин, но, слава богу, кости вроде бы целы.

Собравшись с силами, Эмили начала вставать, но тут снаружи раздались шаги. Она замерла, уставившись на дверь, из-за которой слышались голоса. Говорили на японском.

— Кто она?.. волосы одежда... — произнесла женщина, судя по всему — пожилая.

Ей ответил мужчина, явно тоже немолодой:

— ...не заметил... дождь... не видел...

Прошло почти двадцать лет с тех пор, как Эмили, еще ребенком, слышала японскую речь из уст носителей языка. Она разобрала лишь отрывочные слова, но следующие фразы поняла уже лучше.

— Похоже, она чужеземка, — не унималась старуха. — Муж мой, зачем вы принесли ее сюда? Что, если кто-то узнает? Нас могут наказать.

— И что ты предлагаешь, жена? Не тащить же ее назад.

— Почему бы вам не позвать Сайто-сама? Пусть он решает, что делать дальше.

Старик, что-то буркнул себе под нос и, судя по удаляющимся шагам, ушел. Эмили съехала на тюфяке, прижимая одеяло к груди. Выходит, он принес ее сюда, не поняв из-за дождя, что она чужестранка. Интересно, а если бы он понял, что она не японка, то оставил бы ее умирать? И кто этот Сайто-сама, за которым его послала жена?

Ее мысли прервало дребезжание отодвигающейся двери. В залитом светом проеме показалась старуха. Маленькая и тощая, она напоминала подростка, только лицо — коричневое и сморщенное как печеное яблоко, выдавало ее истинный возраст.

Незнакомка уставилась на Эмили щелочками глаз и низко поклонилась.

— Добрый день.

Эмили сидя на тюфяке, медленно кивнула в ответ. Мысли лихорадочно забегали в голове. Отец строго-настрого запретил ей показывать, что она говорит по-японски. Никто не должен заподозрить, что в ее жилах течет японская кровь. Но и чужеземцев, судя по всему, здесь не жалуют. Как же быть?

Быстро взвесив все «за» и «против», она решила последовать наставлениям отца и ответила по-голландски:

— Извините, я не говорю по-японски. Вы говорите по-голландски? Englisch? Deutsch? Français?

Старуха покачала головой. Впрочем, ничего иного Эмили и не ждала.

— Простите, не понимаю... — с виноватой улыбкой пробормотала японка. Она очертила руками в воздухе воображаемый предмет. — Корабль. Большой, черный. Вы с него?

Эмили чуть было не кивнула, но вспомнила наказ отца и непонимающе улыбнулась.

— Ветер у-у-у! Море ш-ш-ш! — жестикулируя, продолжала старуха. — После шторма — много водорослей на берегу. Мой муж отправился их собирать и нашел вас.

Эмили сделала вид, что не понимает ее слов.

— Мы плыли в Нагасаки, — по-голландски сказала она, — и я упала за борт.

— Нагасаки! Нагасаки! — радостно закивала старуха. — Три дня пути.

«Так, уже немного яснее, — подумала Эмили. — До Нагасаки три дня пути. Но как туда добраться, если я не смогу спросить дорогу? А может лучше пойти на берег, вдруг корабль еще

там? Эдвард видел, как я упала за борт. Наверняка, меня будут искать... Или не будут? Скорей всего они решили, что я утонула. Я и сама удивляюсь, что осталась жива».

Тут ее поразила мысль, от которой встали дыбом мелкие волоски. А вдруг «Морской лев» разбился о скалы и затонул? Отец! Эдвард! Что с ними?

«Нет! — усилием воли Эмили отогнала панику. — Нельзя отчаиваться. Для начала нужно хотя бы одеться, а потом уже думать, что делать дальше».

С вежливой улыбкой она указала на решетчатый настил под крышей, где сушилась ее одежда.

Японка проследила за жестом и закивала. Разувшись у двери, она подошла к крутой лестнице и вскарабкалась на чердак. Вскоре спустилась и протянула аккуратно сложенную одежду.

— Спасибо, — по-голландски пробормотала Эмили, принимая сверток.

Одежда почти высохла, но пропахла дымом от очага и из-за соленой воды потеряла всякий вид: на серой ткани расплывались белесые разводы.

Эмили вдруг осознала, что у нее даже нет смены белья. Если корабль утонул, то она попала в ужасную передрыгу. Одна, в чужой стране, не имея при себе ничего, кроме этих вещей...

Нет, об этом нельзя даже думать! Все будет хорошо!

Покрой дорожного костюма позволял одеваться без помощи прислуги. Корсет шнуровался спереди, а форму платья придавала жесткая нижняя юбка, а не громоздкий кринолин из обручей.

Пока Эмили застегивала пуговицы и завязывала тесемки, японка через бамбуковую трубку раздувала в печи огонь. Эмили с интересом поглядывала на нее, сравнивая ее одежду со своей.

Темный халат в полоску, перехваченный широким поясом. Кажется, это называется «кимоно». Ткань выцвела, на локтях виднелись заплатки. Это одеяние знавало лучшие времена. Богатые японки, несомненно, одеваются иначе.

В памяти вдруг возник смутный образ. Летящие рукава, изысканные узоры, прикосновение прохладного шелка к щеке...

Мама Интересно, жива ли она? Удастся ли им встретиться вновь?

Глава 2

Едва Эмили застегнула последний крючок, как снаружи раздались шаги, и мужской голос произнес:

— Это Сайто.

Старуха тут же подползла на коленях к двери.

— Входите, Сайто-сама. — Она услужливо отодвинула створку.

На пороге показался незнакомец, и старуха поклонилась до самого пола, опустив голову на руки, сложенные перед собой.

Эмили с любопытством взглянула на вошедшего. Перед ней стоял молодой мужчина в синем кимоно, заправленном в широкие, словно юбка, штаны. Густые черные волосы были собраны в пучок на макушке. За поясом грозно торчали ножны двух мечей.

Позади него сидел на коленях старик в конической соломенной шляпе, почтительно придерживая дверь.

Незнакомец нахмурился, пытливо глядя на Эмили из-под тяжелых азиатских век. Она занервничала. Может, и ей стоило преклонить колени? Вдруг именно этого он от нее и ждет? Растерявшись, она сделала книксен.
— Кто вы? — спросил мужчина по-японски.

Эмили развела руками: «Не понимаю».

Он произнес нечто неразборчивое. Эмили с виноватой улыбкой покачала головой, но вдруг запоздало поняла, что он спросил: «Вы говорите по-голландски?» У него был странный акцент, но фраза несомненно прозвучала на ее родном языке.

— Вы знаете голландский? — удивилась Эмили.

— Немного. Я учил его в Нагасаки, — ответил он.

Ей пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать его слова, но она была и этому рада. Какая удача найти здесь, на краю света, человека, знающего твой язык!

— Меня зовут Эмили ван Ройен, — затараторила она. — Я приплыла из Голландии, но по дороге мы попали в шторм, и я свалилась за борт. Эти добрые люди спасли меня, и теперь мне нужна помощь, чтобы найти моего отца.

— Простите мои манеры, — неожиданно мягко заговорил японец. — Меня зовут Сайто Исáми. Вы на острове Нагасима, княжество Сацума.

Он отвесил легкий поклон. Эмили поклонилась в ответ.

— Очень приятно.

— Э-ми-ри... — Ему явно не давалась буква «л». — Я хочу пригласить вас в мой дом. Там вы сможете отдохнуть.

Сайто говорил глубоким, неожиданно низким для азиата голосом, что удивило Эмили, ведь китайские кúли, которых она встречала во время остановки на Яве, скорее мяукали и верещали, чем говорили.

Несмотря на сильный акцент, с каждым словом Эмили понимала его все лучше. Но стоит ли идти к нему домой? Звучит не очень благоразумно, но выбора нет. Она не может злоупотреблять гостеприимством этих бедняков. Но вдруг он причинит ей вред? Кто знает, что у этих япошек на уме?

Видимо, смятение отразилось у нее на лице, потому что Сайто добавил:

— Не волнуйтесь, в моем доме безопасно. Моя служанка позаботится о вас.

Что ж, придется верить ему на слово. Эмили выдавила улыбку.

— Спасибо, господин Сайто.

Она посмотрела на старуху, чтобы поблагодарить и ее. Та по-прежнему стояла на коленях, не поднимая головы. Неужели этот Сайто столь важная персона, что ему нужно кланяться в пол? Может и ей следовало так поступить?

Но пока что он не высказывал недовольства. Только посторонился, когда она подошла к двери.

Эмили мимоходом отметила, что они почти одного роста. Разве что Сайто лишь чуточку, на пару дюймов, выше нее. Это было непривычно, ведь большинству голландских мужчин она едва доставала до подбородка.

Надев ботинки, Эмили села на приступок, чтобы завязать шнурки. Взгляд невольно упал на ноги Сайто. На нем были странные раздвоенные носки с отделенным большим пальцем. Впрочем, так явно удобнее носить соломенные сандалии, которые и держались за счет веревочки, пропущенной между пальцами ног.

Обувшись, Эмили выпрямилась и вопросительно посмотрела на Сайто.

— Идем, — сказал тот и вышел наружу.

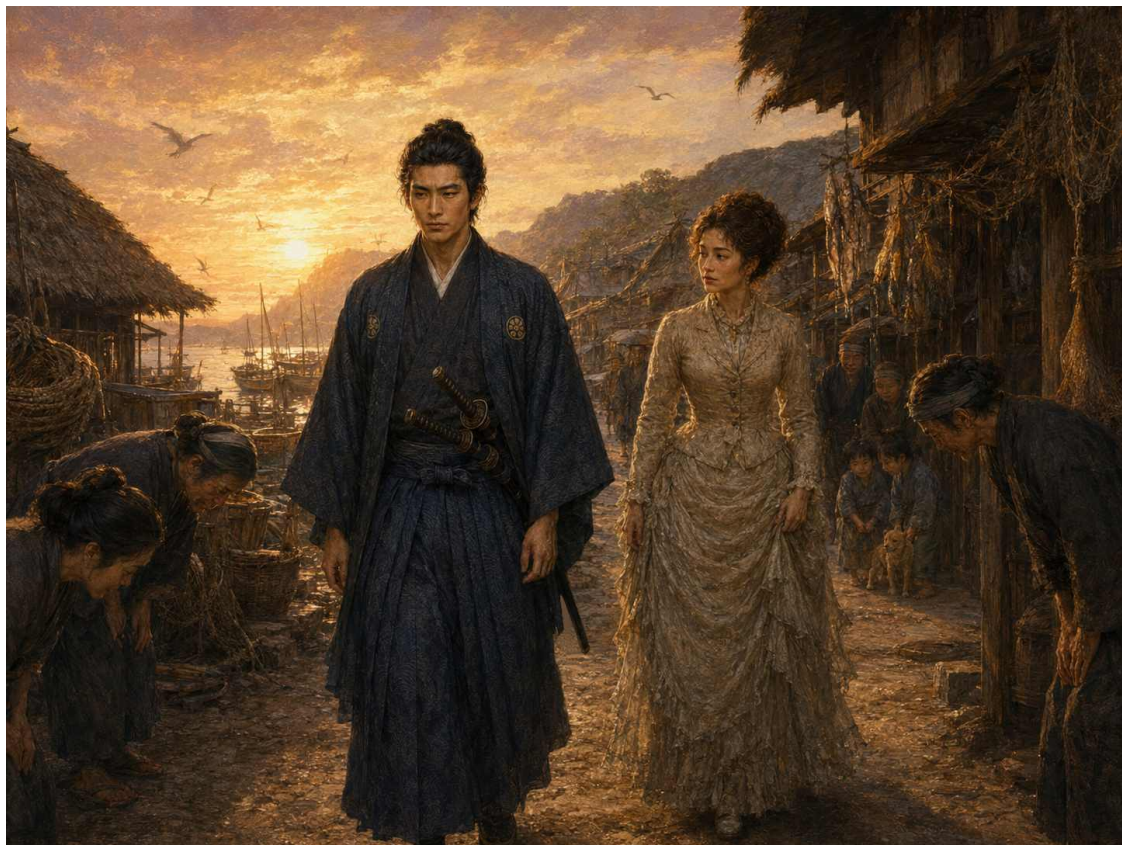
Она последовала за ним, но едва ступила пару шагов, как ее повело. После месяцев качки было непривычно вновь ощущать под ногами твердую почву. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы идти ровно.

Шум прибоя смешивался с криками чаек. Эмили оглянулась на пляж. Солнце садилось, раскрашивая небо золотыми, розовыми и фиолетовыми мазками, но ей было не до красот. Она искала глазами корабль или, на худой конец, обломки кораблекрушения на ноздреватом песке. Но ни того, ни другого не нашла.

Вскоре они оказались в рыбацкой деревне. Домишки с тростниковыми крышами жались друг к другу как озябшие воробьи.

На пыльной улочке кипела жизнь. Мужчины чинили лодки, развешивали сети и улов. Женщины чистили рыбу, сидя на крылечках своих домов. Стайка детей с беззаботным смехом бегала по улице, гоняясь за мохнатым рыжим щенком.

Но стоило селянам увидеть Сайто, как они побросали все дела, выстроились у обочины и склонились в почтительном поклоне.

Эмили почудилось, будто из ее спутника вырвался тяжелый вздох.

«Неужели они кланяются всякий раз, когда он проходит мимо? — удивилась она. — Должно быть, это крайне утомительно».

Они шли дальше, и жители продолжали приветствовать их поклонами. Эмили с любопытством смотрела по сторонам. Повсюду висели рыбацкие сети, сушились водоросли и разнообразный улов: от жутковатых кальмаров до огромных тунцовых туш.

Запах стоял соответствующий, но месяцы на корабле приучили ее не обращать внимания на подобные неудобства.

Улочка поднималась в гору и вскоре привела их к усадьбе, окруженной оштукатуренной белой стеной. Сквозь распахнутые ворота Эмили увидела дом. Он был больше, чем хижины рыбаков, и его двойную крышу с приподнятыми уголками покрывала не солома, а серая черепица.

Навстречу вышла женщина в бордовом кимоно. Сайто отвесил ей неглубокий поклон.

— Я вернулся, — по-японски сообщил он.

Она низко поклонилась и пропищала неожиданно детским голоском:

— С возвращением, Сайто-сама!

Эмили удивленно взглянула на женщину, пытаясь определить ее возраст. Не старуха, но явно не пятилетняя девочка, как могло бы показаться по голосу.

— Эмири, познакомьтесь, это Наоко, — сказал Сайто по-голландски.

— Очень приятно, — улыбнулась Эмили.

Женщина поклонилась, но не так низко, как хозяину, да и выпрямилась гораздо быстрее. Эмили, принимая правила игры, поклонилась в ответ.

— Наоко, пожалуйста, позаботьтесь об Эмири-сан, — по-японски добавил Сайто.

— Да, господин. — Наоко взглянула на Эмили. — Пожалуйста, пойдете со мной, Эмири-сан.

Она засемила по дорожке, вымощенной плоскими камнями, и Эмили последовала за ней. Вокруг раскинулся садик из причудливо изогнутых деревьев и замшелых валунов разных форм.

Повеяло прохладой, и Эмили увидела прудик, где в кристально чистой воде лениво шевелили плавниками крупные красно-белые рыбы. Дом с изящной крышей и светлыми стенами казался невесомым. Он словно парил над садом, будто облако над землей.

Шлепанцы Наоко с деревянной подошвой звонко цокали по камням. Эмили всегда считала себя низкорослой: большинство ее голландских подруг были выше нее. А сейчас, к своему удивлению, она смотрела на крохотную японку сверху вниз.

Ее кимоно с широким поясом и огромным бантом, скрадывало тщедушную фигуру. Смолянисто-черные волосы громоздились в объемной прическе, отчего голова казалась непомерно большой.

В дальнем углу двора стоял маленький домик. Войдя туда и увидев огромную бочку, Эмили догадалась, что это купальня.

— Мы приготовили для вас фурако, Эмири-сан, — с поклоном произнесла Наоко. — Позвольте, я помогу вам раздеться.

К бочке была пристроена печь, над водой поднимался пар. Сейчас ванна пришлась бы очень кстати: Эмили ощущала себя липкой, и все чесалось от соли.

Она не ответила, чтобы не выдать, что знает японский, но позволила Наоко помочь ей с одеждой. Судя по тому, с каким удивлением японка таращилась на корсет и нижние юбки, она видела европейское платье впервые в жизни.

Было неловко раздеваться перед ней догола, но Эмили поборола смущение. Не купаться же в одежде! Снимая сорочку, она почуяла запах пота. На корабле ей редко выпадала возможность помыться и постирать белье, и последний раз она меняла исподнее несколько дней назад. Эмили сконфуженно глянула на японку, но та, как ни в чем не бывало, услужливо улыбалась.

Раздевшись донага, Эмили хотела забраться в бочку, но Наоко вежливо преградила ей путь рукой.

— Нет. Сначала помыться, фурако потом, — пояснила она.

«А разве бочка и не нужна для того, чтобы в ней мыться?» — удивилась Эмили, но возражать не стала.

Наоко принялась поливать ее плечи из ковша и обтирать ее мокрым полотенцем. Благодаря печке в домике было тепло, но все равно не терпелось окунуться в горячую воду. Наконец японка сочла Эмили достаточно чистой и указала на ведущие в бочку ступеньки.

Поднявшись, Эмили опасливо сунула в воду ступню и тут же отдернула. Горячо! Она оглянулась на японку. Та с ободряющей улыбкой кивнула. Эмили осторожно ступила в бочку одной ногой, второй, и лишь когда немного привыкла, села на скамейку, установленную на дне.

Тело погрузилось в горячую воду, и от груди до кончиков пальцев прокатился жар. С губ сорвался блаженный вздох. Как хорошо!

— Приятного отдыха. — Наоко вышла из домика и принялась возиться снаружи, видимо, раздувая в топке огонь.

Кожу приятно покалывало от горячей воды, и Эмили ощущала, как уходит напряжение последних часов. Пока все складывается не так уж и плохо. Она не утонула, ее спасли, а японцы, вопреки предостережениям отца, оказались милыми и гостеприимными людьми.

Хорошенько расслабившись и согревшись, она вылезла из бочки и начала вытираться.

Вошла Наоко и положила на полочку стопку новой одежды.

— Ваше кимоно нужно постирать, Эмири-сан, — сообщила она, показывая на ее дорожный костюм.

Эмили покачала головой, делая вид, что не поняла. Тогда Наоко поводила руками, будто стирает. Эмили благодарно улыбнулась. Натягивать просоленные панталоны совершенно не хотелось.

Она взглянула на одежду, не зная, с чего начать. Наоко, заметив ее растерянность, принялась помогать. Сперва она надела на нее нижнюю юбку, представляющую собой отрез ткани длиной до колен. Его так плотно обернули вокруг бедер, что раздвинуть ноги стало практически невозможно.

«Так вот почему Наоко так семенит», — догадалась Эмили.

Завязав тесемки юбки, Наоко протянула ей длинную белую полосу, похожую на бинт. Эмили вопросительно взглянула на японку. Та смутилась, а затем изобразила в воздухе объемный бюст.

— Моя грудь слишком большая? — удивилась Эмили.

Фигурой она пошла в породу отца: тонкая талия, крепкие бедра. Но грудь была скорее средней, а не большой. «Хотя... — Эмили взглянула на плоскую японку... — я просто валькирия по сравнению с ней».

— Нужно намотать сараси, иначе кимоно будет плохо сидеть, — пояснила Наоко и приложила отрез к себе, словно утягивая грудь.

— Ладно, — кивнула Эмили, хотя идея не привела ее в восторг.

Следующие несколько минут японка наматывала на нее полоски ткани и привязывала какие-то подушечки и подкладки, чтобы придать телу нужную, по ее мнению, форму. В итоге грудь и бедра утянули, а талию наоборот обмотали кучей слоев, так что Эмили ощутила себя толстой как бочка.

Наоко помогла ей надеть белые носки с отдельным большим пальцем. Взглянув на свои ступни, Эмили не удержалась от смешка. Они напоминали раздвоенные копыта как у козы.

Затем последовало белое нижнее кимоно и зеленое верхнее. Каждое из них опоясывалось широкой лентой, обернутой вокруг тела несколько раз. В конце концов талию, точнее то, что от нее осталось, повязали широченным поясом с огромным бантом на спине.

Зеркала в купальне не было, но Эмили, глядя на слои зеленого шелка не могла отделаться от ощущения, что похожа на кочан капусты.

Все достоинства ее фигуры, которые подчеркивали корсет и кринолин, превратились в недостатки. Манящие изгибы груди и бедер стали бесформенными телесами, а тонкая талия исчезла под слоями тряпья.

Но ничего не поделаешь. Какая разница, как она выглядит? Хорошо уже то, что на ней чистое белье.

— Гэта. — Наоко указала на пару шлепанцев с деревянной подошвой.

Эмили надела их, пропустив ремешки между пальцами ног. К подошвам были приделаны «скамеечки», приподнимающие сандалии на пару дюймов над землей. В грязь, наверное, практично, но как же неудобно и тяжело! Как можно вообще в этом ходить?

Смирившись со своим нелепым внешним видом, Эмили поковыляла за Наоко в дом. Ноги были стянуты в коленях нижней юбкой, отчего приходилось семенить, а гэта так и норовили слететь, и Эмили «ловила» их на каждом шагу, подворачивая ступни внутрь.

Уже стемнело, и в пруду отражались огоньки каменных фонарей. Оглушительно стрекотали цикады, с моря дул освежающий ветерок. Эмили и Наоко подошли к дому.

Он стоял на сваях, на пару футов приподнятый над землей, по периметру его окружала веранда. Поднявшись по скрипучим ступеням, Наоко отодвинула дверь и пригласила Эмили внутрь.

Они оказались в прихожей. Наоко скинула шлепанцы. Эмили последовала ее примеру. На родине она обычно переобувалась в домашние туфли, но здесь, судя по всему, по дому ходят босиком или в одних носках.

Прежде чем вести Эмили дальше, Наоко опустилась на колени, взяла ее гэта и повернула их носками к двери. Эмили смущенно улыбнулась. Ее ведь тоже когда-то учили так ставить обувь, но за девятнадцать лет все давно уже выветрилось из головы.

Остановившись перед одной из дверей, Наоко пояснила:

— Сайто-сама, — затем указала на Эмили, — Эмири-сан, — и сделала вид, будто что-то ест, — ужин.

Желудок уже давно сводило от голода, но Эмили ощутила неловкость от того, что ей придется разделить трапезу с японцем. Однако выбора не было, поэтому она с улыбкой кивнула.

— Сайто-сама, мы заходим, — предупредила Наоко, затем опустилась на колени и отодвинула створку двери.

Эмили несмело заглянула внутрь. Приглушенный свет бумажного фонаря выхватывал из полумрака хозяина дома. Он сидел на коленях перед небольшим столиком с посудой.

Напротив стоял точно такой же столик, видимо, предназначенный для нее. Внешние стены комнаты были раздвинуты, открывая вид на вечерний сад.

Сайто поднял голову и посмотрел на Эмили. Ей вдруг стало стыдно за свой внешний вид. Руки невольно потянулись поправлять кимоно, но Сайто уже приветствовал ее кивком.

— Пожалуйста, входите, — произнес он. — Давайте поужинаем вместе.

— Спасибо.

Войдя в комнату, Эмили по привычке поискала глазами куда можно сесть, но ничего подходящего не нашла. Ни кресел, ни стульев. Видимо, придется сидеть на полу. К счастью он был плотно застелен плетеными матами с темной окантовкой по краям. «Татами», — память услужливо подкинула подходящее слово.

По примеру Сайто, Эмили села на пятки, но у нее тут же заныли лодыжки. Она поерзала, пытаясь найти удобную позу, но безуспешно. В конце концов, чувствуя себя крайне неловко, она вытянула согнутые ноги вбок, словно на пикнике.

Когда она, наконец, устроилась, Сайто указал на небольшой чайник:

— Саке?

«Саке — это вроде бы алкоголь. Почему же он в чайнике?» — удивилась Эмили.

Ее охватили сомнения. Приличной девушке не пристало распивать спиртное с малознакомым мужчиной... Но что, если отказ его оскорбит?

— Немного, — кивнула она.

Наоко, сидящая чуть позади, наполнила плоскую чашечку, больше напоминающую блюдце на подставке, и подала ее Эмили. Затем налила господину.

— Кампай! — Сайто приподнял чашку.

Эмили отсалютовала в ответ и осторожно пригубила чуть подогретый напиток. Аромат саке напоминало рейнское вино, но ощущалось более пресным, без привычной кислинки. Скатываясь в пищевод, оно оставляло горьковатое послевкусие во рту.

Из сада подул ветерок, принося с собой запах можжевельника и цветов. Эмили маленькими глотками потягивала саке и украдкой поглядывала на Сайто.

Интересно, сколько ему лет? Лицо гладкое, молодое. Такое вполне могло бы принадлежать парню лет двадцати. Но все же что-то жесткое в его чертах, во взгляде, в изгибе рта говорило о том, что перед ней мужчина, а не юнец.

Опустошив свою чашку, Сайто поставил ее на столик и, молитвенно сложив ладони, пробормотал:

— Итадакимас!

Эмили поняла эти слова как «смиренно принимаю». Она вдруг вспомнила, как мама учила ее благодарить кухарку, приготовившую еду; природу, что дала уродиться рису; и крестьян, которые работали на полях, чтобы собрать урожай.

Она тоже сложила руки и пробормотала: «Спасибо». Затем взглянула на столик, где разместились небольшие тарелки. На прямоугольном блюде лежали розовые ломтики рыбы, а в глубоких пиалах — маринованные овощи и рис.

Но где же столовые приборы? Ни вилки, ни ложки, ни ножа... Лишь две деревянные палочки на подставке. Точно! Японцы же едят палочками! В детстве Эмили училась ими пользоваться, но уже все позабыла.

Она не собиралась так скоро погружаться в японский быт, ведь в Нагасаки для них с отцом приготовили жилье, обустроенное по-европейски. Что ж, придется учиться на лету.

Она взглянула на Сайто. Тот держал пиалу с рисом у подбородка, а в другой руке зажимал палочки на манер щипцов. Каким-то образом он ухитрялся цеплять ими рис и отправлять в рот.

Эмили взяла палочки и попыталась сложить их так, чтобы брать ими еду. Но не тут-то было! Чертовы деревяшки просто перекрещивались между собой и ничего не держали. Эмили почти ухватила рыбу, но палочки скользнули друг по другу, и кусок остался в тарелке.

Она сконфуженно взглянула на остальных. Наоко изящно прикрыла рот рукавом. Эмили догадалась, что та скрывает усмешку. Сайто же смотрел на нее спокойно, не улыбаясь.

— Позвольте, я покажу, — отставив пиалу, сказал он.

— Да, пожалуйста, — пробормотала Эмили.

— Смотрите, одну палочку — вот сюда. — Он положил палочку на безымянный палец. — А вторую — вот так, как будто вы держите кисть.

Он продемонстрировал сказанное. Эмили, растопылив пальцы, попыталась повторить, но ничего не вышло.

Тогда Сайто приблизился к ней, не вставая с колен.

— Разрешите?

Она кивнула. Он взял у нее палочки.

— Немного согните пальцы. Хорошо. Теперь эта палочка — сюда.

Теплая ладонь деликатно коснулась ее руки. Эмили ощутила, как к щекам приливает жар.

— А эту — сюда. — Сайто вложил вторую палочку между большим и указательным пальцем. — Попробуйте.

Эмили пошевелила палочками. Теперь ими и вправду можно было что-нибудь ухватить.

— Спасибо, — улыбнулась она.

— Приятного аппетита, — ответил Сайто и вернулся на свое место.

На этот раз ей удалось подцепить кусочек рыбы. Правда он едва не выскользнул, пока она несла его ко рту, но ничего страшного, нужно лишь понижее наклониться к тарелке.

Сайто завел разговор:

— Эмири, вы говорили, что приехали из Голландии?

— Да, — кивнула она и зачем-то уточнила: — Это далеко отсюда. В Европе.

— Я знаю, где находится Голландия, — невозмутимо ответил он.

Эмили устыдилась, что сочла его невежественным дикарем, но Сайто спокойно продолжил:

— И как долго вы плыли сюда?

— Ужасно долго. Целых три месяца! Мы обогнули Африку, пересекли Индийский океан. Несколько раз попадали в шторм. А как-то раз на нас даже напали пираты!

— Пираты?

— Да. В Малаккском проливе. Говорят, там часто такое случается. Но к счастью, наши пушки быстро убедили их отказаться от этой затеи.

Сайто внимательно слушал, и Эмили, воодушевленная интересом к своему рассказу, продолжила:

— И знаете, как было бы обидно, столько всего пережить и погибнуть из-за какого-то шквала.

— Вы едва не погибли?

— Представьте себе. Небольшая тучка на горизонте, а через пару минут — ветер такой, что сбивает с ног. Думаю, он оторвал парус, и меня сбросило в воду. Хорошо хоть под руку попала бочка, иначе я бы уже кормила рыбу на морском дне.

Сайто чуть заметно кивнул Наоко, и та наполнила их чашки саке.

— Удача была на вашей стороне. Здесь у берега много опасных скал, а еще в море полно — Он поднял глаза к потолку, припоминая слово, — акул.

Эмили нервно хмыкнула и отхлебнула саке. Думать о том, чем могло бы закончиться ее невольное купание в море, не хотелось.

— Хвала Господу, что я осталась жива, — сказала она. — А еще я очень благодарна тем людям, что спасли меня. И вам, за то, что пригласили меня сюда.

— Все в порядке, — мягко ответил Сайто. — Не нужно благодарить.

В комнате воцарилась тишина. Лишь мотылек, шурша крыльями, бился о бумажные стенки фонаря.

Эмили жевала рыбу и украдкой поглядывала на Сайто. Его лицо могло бы показаться смазливym, если бы не резкие скулы, жесткий излом бровей и ястребиный взгляд раскосых глаз.

Интересно, почему он ей помогает? Из чистого милосердия или ждет какой-то награды?

— Позвольте спросить, откуда вы так хорошо знаете голландский язык? — любопытствовала она.

— Мой голландский не очень хорош. — Сайто отвел глаза. — Ведь вы не сразу меня поняли, когда я с вами заговорил.

— Но теперь я понимаю вас гораздо лучше, — заверила Эмили и не покривила душой. Сейчас Сайто действительно говорил куда разборчивее, чем пару часов назад. Он явно примечал, как она произносит слова, и старался повторять за ней. Правда «л» по-прежнему ему не давалась, и он упорно заменял ее на «р».

— Я учил язык в Нагасаки, — добавил Сайто. — Вы слышали об острове Дэдзима?

Глава 3

Конечно же Эмили слышала об острове Дэдзима. Более того — она на нем родилась.

До недавнего времени Япония была закрыта для чужеземцев. Исключение составляли только китайцы и голландцы. Да и то, последним разрешалось находиться лишь на Дэдзиме — искусственном острове в гавани Нагасаки.

Отец Эмили служил там директором голландской фактории. Унылые будни в ожидании торгового корабля протекали на клочке земли ста пятидесяти шагов в длину и девяноста в ширину.

Привозить семьи не разрешалось, поэтому многие заводили себе японских «жен». За определенную плату девицы из квартала красных фонарей скрашивали холостяцкие будни.

Иногда в таких союзах рождались дети. Покидая Японию, мужчины обычно бросали отпрысков на произвол судьбы, но с Эмили все сложилось иначе.

За время, проведенное на Дэдзиме, отец очень к ней привязался. И зная, сколь незавидная участь ждет полукровку в Японии, решил забрать ее с собой.

Но так как Эмили была рождена японской матерью, то по местным законам она считалась японкой. А японцам под страхом смерти запрещалось покидать страну, а тем, кто уехал — возвращаться.

К счастью, всегда найдется падкий на подношения чиновник. Потратив на взятки годовое жалование, отец все же сумел вывезти пятилетнюю Эмили в Голландию.

Но теперь возникла новая проблема. Эмили по-прежнему считалась японкой, покинувшей страну, а значит, ей все еще грозила смертная казнь. Когда она упрашивала отца взять ее сюда, тот поставил условие: никто не должен узнать о ее происхождении.

Эту тайну нужно скрывать любой ценой!

— Дэдзима? Нет, не слыхала — с напускным безразличием протянула она.

— Это остров в бухте Нагасаки, — пояснил Сайто. — Раньше чужеземцам было запрещено приезжать в Ниппон

— Ниппон?

— Японию, — поправился он. — Торговать здесь могли только Голландия и Империя Цин. Несколько лет назад бакуфу правительство открыло в Нагасаки училище, где голландцы с Дэдзимы преподавали нам западные науки. Там я и выучил ваш язык.

— Что ж, мне повезло встретить именно вас. — Эмили изобразила очаровательную улыбку. — Не представляю, что бы я делала, ведь я совершенно не говорю по-японски!

Сайто усмехнулся краешком губ и принялся за еду. Эмили взглянула на рис в своей тарелке. Как его есть? Клевать по зернышку? Она поворошила кашу. Та склеивалась рыхлыми комками, но, когда Эмили попыталась взять один из них, он развалился, и на палочках осталась лишь пара крупинок.

— Поверните палочки набок, — посоветовал Сайто. — И поднимите пиалу к лицу. Так будет удобнее.

Эмили сделала, как он сказал, и у нее получилось. Но рис оказался пресным, без соли. К счастью, маринованные овощи и коричневый соус в маленьком блюде имели насыщенный пряный вкус. После всех переживаний Эмили жутко проголодалась, и вскоре ее тарелки засияли первозданной чистотой.

Сайто одобрительно кивнул и повернулся к служанке.

— Наоко, принесите, пожалуйста, чай.

— Да! — отозвалась та.

Она вышла за дверь, а Сайто задумчиво посмотрел на мотылька, бьющегося о бумажный фонарь, и произнес:

— Когда мы учились в Нагасаки, то мечтали побывать на Дэдзиме. Это было для нас как окно в другой мир. В училище нам рассказывали о дальних странах, но японец никогда не сможет там побывать.

— Почему? — спросила Эмили, уже зная ответ.

— Нам запрещено уезжать из Японии. Но мы часто говорили об этих странах, пытались представить, как там живут люди. Иногда мы даже забирались на крышу, чтобы заглянуть за стену, окружающую Дэдзиму.

— Правда? И как, удалось увидеть что-нибудь интересное?

— Да. Много необычных вещей. Но больше всего нас поражали сами голландцы. У одних лица белые, а волосы желтые или красные. А у других волосы черные, а лица коричневые, как корнеплод.

— Коричневые? — удивилась Эмили. — Ах да, должно быть, это рабы. У папы тоже был малайский слуга. Он его потом освободил.

Сайто словно вынырнул из мира воспоминаний, и его лицо, золотистое в свете фонаря, снова приняло непроницаемый вид.

— Вы говорили, что ваш отец плыл с вами на корабле. Как его зовут? — поинтересовался он.

— Винсент ван Ройен.

— Винь-сенто Фан-ройе, — повторил Сайто на свой манер. — И чем он занимается?

— Сейчас он работает управляющим Торгового Дома Миддлвейков. А до этого служил директором фактории... — Эмили едва не сказала: «на Дэдзиме», но вовремя спохватилась: — в Батавии.

— В Батавии? — переспросил Сайто. Похоже, его познания в географии все же оставляют желать лучшего.

— Это голландская колония в Ост-Индии. — Эмили прикрыла глаза, пытаясь представить карту мира. — На юге отсюда. Далеко.

— Вот как?.. Позвольте тогда спросить, кто ваша мать?

Эмили помедлила с ответом. В памяти всплывали смутные образы. Расписной веер, изящный зонтик, летящие шелковые рукава...

— Она малайка из Батавии, — наконец ответила она.

Отец велел ей говорить именно так. Эта ложь должна была объяснять любопытным, откуда в ее лице взялись азиатские черты. Правда, если Сайто не слышал о Батавии, то вряд ли ему известно, кто такие малайцы. Однако дальше расспрашивать он не стал.

С шорохом отодвинулась дверь и в комнате появилась Наоко. Грациозно опустившись на колени, она разлила по фарфоровым чашечкам чай.

— И зачем вы приплыли в Японию? — поинтересовался Сайто, сделав глоток.

— Хозяин Торгового Дома, где служит мой отец, узнал, что Японию открыли для иностранцев, и решил основать здесь филиал. — Эмили вспомнила, как папа сообщил ей эту новость, и добавила, цитируя его слова: — «Очень скоро в Японию хлынут все, кому не лень, и нужно застолбить себе местечко получше».

Сайто не ответил, лишь нахмурился и медленно поднес чашку ко рту.

Смутная тревога шевельнулась в душе. Похоже, ему не понравились ее слова... Но что плохого, если Япония станет обмениваться товарами и знаниями с другими странами? Это пойдет всем только на пользу.

Эмили взглянула на свою чашку. От бледно-зеленого чая исходил травяной аромат. Она осторожно отхлебнула, покатала жидкость во рту. Напиток имел сладковатый вкус с легкой горчинкой — непривычный, но довольно приятный.

— А что именно ваш отец собирается здесь продавать? — осведомился Сайто.

— То, на что будет спрос. Шерсть, книги, оружие...

— Оружие? Какое?

— Не знаю, я в этом не разбираюсь, — отмахнулась Эмили, но Сайто пытливо смотрел на нее, ожидая продолжения. — Ружья, пушки, пистолеты, — добавила она. — Папа считает, что это будет самый ходовой товар.

— Возможно, он прав. — Сайто пригубил чай. — И где он собирается открыть свою лавку? В Нагасаки?

— Да, — кивнула Эмили. — Мы плыли именно туда. Если корабль не разбился во время шторма, то, должно быть, он скоро прибудет в порт.

— Вы сказали, что упали за борт. Кто-нибудь это видел?

— Да, мой... — Эмили чуть не произнесла «жених», но слово застряло на языке. — Один человек.

— Почему же он вам не помог?

В памяти возникли ревущие волны, соленые брызги, заливающие глаза.

— Наверное, не смог. Ветер был очень силен. — Она торопливо глотнула чай, чувствуя неловкость, от того, что пытается оправдать Эдварда.

— Как вы думаете, корабль вернется вас искать?

— Не знаю. Скорей всего, они решили, будто я утонула, и поплыли дальше.

От мысли, что корабль уплыл без нее, неприятно горчило в груди. Но что им оставалось делать? При таких волнах вряд ли они бы сумели ее спасти — тут бы самим уцелеть. Наверняка Эдвард пытался что-то сделать, кого-то позвать, но в том крошечном аду это было бесполезно.

На улице залаяла собака, послышались голоса. Сайто замер, прислушиваясь, затем снова поднес чашку к губам.

— Далеко ли отсюда до Нагасаки? — спросила Эмили.

— Три дня пути.

— Мне нужно добраться туда, чтобы найти отца. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Сайто ответил не сразу. Поигрывая чашкой в руке, он словно обдумывал какую-то мысль. В ожидании ответа, Эмили напряженно вглядывалась в его лицо. Но прежде, чем он успел что-то сказать, в проеме, ведущем в сад, появился слуга.

— Сайто-сама! Прошу прощения за беспокойство, — опустившись на колени, произнес он.

— Что случилось?

— Пришел Сабуро. Говорит, что у него к вам срочное дело.

— Прошу меня извинить. — Поставив чашку на столик, Сайто вышел в сад и задвинул за собой дверь.

Однако перегородка, обтянутая бумагой, почти не приглушала звук, и Эмили услышала, как он сказал:

— Подними голову, Сабуро. Что случилось?

— Корабль... возле берега... — донеслось до нее.

Сердце бешено забилося в груди. Корабль? Возле берега? Наверняка это «Морской лев», разыскивает ее! Слава Богу! Скоро она вернется к своим!

Сайто и Сабуро продолжали разговор, но Эмили была так взволнована, что почти не прислушивалась к их словам. Лишь под конец до нее долетела фраза:

— ...никому не скажем, господин.

— Хорошо. Теперь иди.

Через минуту ширма отодвинулась, и в комнату вошел Сайто. Эмили с жадной надеждой уставилась на него.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Ничего особенного, — ответил он, отводя взгляд.

— Э-э... — растерянно протянула Эмили, но вовремя остановилась. Ни в коем случае нельзя показывать, что она понимает японский.

— Уже поздно, — добавил Сайто. — Вы устали, нужно отдохнуть. Завтра мы обсудим, как вам попасть в Нагасаки.

— Х-хорошо, — пробормотала Эмили. Выходит, она ошиблась, и речь шла о каком-то другом корабле. Жаль, но ничего не поделаешь. Придется ложиться спать.

— Наоко, проводите, пожалуйста, Эмири в ее комнату, — велел Сайто.

Эмили проснулась среди ночи и несколько секунд ословело моргала, пытаясь понять, почему не скрипят снасти, не шумят волны, и не качается пол.

Она оглянулась по сторонам. Тонкая внешняя стена, обтянутая полупрозрачной бумагой, мерцала квадратами голубоватого света, пропуская его внутрь.

В памяти вспыхнули картины прошедшего дня. Шторм, хижина рыбака, человек, давший ей кров. Нужно уговорить его помочь ей добраться до Нагасаки. Там первым делом следует отправиться в порт и узнать, прибыл ли «Морской лев». Если же нет

Страх стиснул горло железной рукой. Чтобы успокоиться, Эмили глубоко вдохнула. Не стоит думать о плохом. За три месяца корабль пережил немало штормов, а этот и штормом-то не назовешь — обычный шквал, который быстро налетел и так же быстро закончился.

Но если все же случилось самое страшное — все погибли, а она осталась одна в чужой стране... Эмили тяжело сглотнула. Что ж, выход есть всегда. В Нагасаки должна быть дипломатическая миссия Нидерландов. Можно попросить помощи там.

В ночной полудреме мысли скользили в голове будто волны, набегающие на берег. Этот мужчина... Сайто... Он был любезен и гостеприимен, но пару раз у нее возникало ощущение, что за его расспросами таится нечто большее, чем просто вежливый интерес.

Отец предупреждал, что японец никогда не скажет напрямую что у него на уме, а будет сыпать намеками и загадками, извиваясь, как змея в высокой траве. Нужно быть с ним осторожнее, мало ли что у него на уме.

Эмили повернулась на спину, но непривычная подушка-валик, закрепленная на деревянной подставке, давила на шею. У этих японцев все не как у людей! И как они только могут спать на этом пыточном приспособлении? С такой подушкой можно лежать лишь на боку, не шевелясь.

Поворочавшись, она нашла более-менее удобную позу и вновь погрузилась в раздумья. Тот посетитель с вестью о корабле...

Могла ли речь идти о «Морском льве»? Но почему же тогда Сайто ничего не сказал? Разве не проще было бы отправить ее на корабль, тем самым избавившись от обузы? Он что-то задумал? Хочет получить награду за помощь?

Нужно будет обязательно его заверить, что отец не останется в долгу.

Ладно, нет смысла строить догадки. Утро вечера мудреней. Эмили закрыла глаза и попыталась уснуть. Она лежала на тюфяке, расстеленном на полу, так как кроватей в доме, ожидаемо не нашлось. Вроде бы, по-японски он называется «футон».

Было так жарко и душно, что казалось, будто вместо воздуха в легкие попадает вода. Эмили сбросила с себя одеяло и совершенно неприлично раскинула ноги, задрав подол. Стало прохладнее, но сон все равно не шел.

Захотелось в уборную. Некоторое время Эмили пыталась себя убедить, что ей это только кажется, но все же сдалась. Откинув москитную сетку, она поднялась с футона. Зажигать фонарь не стала: хватало света, проникающего сквозь бумажную перегородку снаружи.

Отодвинув дверь, она вышла из комнаты и остановилась, вспоминая дорогу в отхожее место. Вроде бы до конца коридора и направо.

Стараясь не скрипеть половицами, она двинулась вперед. Дом, собранный из картонных стен, казалось, дышал. Ночные шорохи с улицы почти беспрепятственно проникали внутрь.

Завернув за угол, Эмили услышала за перегородкой голоса. Она узнала Наоко, хотя сейчас та говорила не таким тоненьким голоском, как при господине.

— Ее зад, конечно, не настолько огромный, как выглядел в одежде, но и маленьким его не назовешь.

Жар ударил в лицо. Неужели это о ней? Эмили замерла.

— Я как могла старалась скрыть ее выпуклости, но она безнадежна, — продолжала Наоко.

— Бедняжка, — ответил второй женский голос. — Тяжело, наверное, жить с такой нелепой фигурой.

Что!? Эмили чуть не задохнулась от возмущения. Это у нее-то нелепая фигура? Да у нее от поклонников отбоя нет!

Поклонники и правда имелись, но вот замуж до недавних пор никто не звал. Восторженные юнцы слетались на экзотическую внешность Эмили как пчелы на мед, но ее незаконное происхождение отпугивало их консервативных мамаш.

— Фигура, это еще не самое главное, — сказала Наоко. — Знали бы вы, как от нее воняет! Когда она стала раздеваться, я думала в обморок упаду.

Эмили негодуя выпучила глаза. Воняет!? Допустим, от сорочки слегка пахло потом, но называть это вонью?..

— Мой брат рассказывал, что однажды в его лавку в Нагасаки заходили длинноносые варвары, — сообщила вторая японка. — Так ему потом полдня пришлось жечь благовония, чтобы избавиться от их смрада. Я слышала, они так воняют из-за того, что едят мясо животных.

— Отвратительно!

— А еще они носят ужасные лохматые бороды. Похожие на волосы... ну, сама понимаешь где...

Мерзавки захихикали.

Эмили стояла с горящим лицом, подмышки взмокли от пота. Гадкие узкоглазые змеи! Как они смеют говорить такие ужасные вещи! И что теперь делать? Ворваться в комнату и наброситься на них с кулаками?.. Нет, такая выходка ни к чему хорошему не приведет.

— Кстати о волосах, — продолжала Наоко. — Я никогда раньше не видела такого цвета... Как сушенная хурма...

— А пятки, пятки-то у нее есть? — перебила ее собеседница. — Брат говорит, что у варваров нет пяток, поэтому они носят обувь на каблуках.

— Горо-сан вечно болтает всякую чушь! Есть у нее пятки. Ступни, правда, огромные, как у мужчины, но выглядят они так же, как и у нас... — завершила Наоко и после небольшой паузы продолжила: —Представляете, она хотела забраться в фурако, даже не ополоснувшись. Я не позволила ей этого сделать, но потом все равно на всякий случай попросила Тодо-сана поменять воду.

— Неужели эти варвары не знают, как принимать ванну? Что за дикари!

— И как только Сайто-сама вытерпел ее за ужином? — не унималась Наоко. — Представляете, она даже не умеет держать палочки для еды! Господину пришлось ей объяснять.

— Правда? А как же они тогда едят?

— Наверное, по-собачьи. Наклоняются к тарелке и хватают еду ртом.

— Хи-хи-хи!

Эмили трясло, руки непроизвольно сжимались в кулаки.

Мерзкие япошки! Не зря отец говорил, что все они — двуличные лжецы. Эта стерва Наоко улыбалась, кланялась, угождала. А за спиной перебивает ей косточки!

Непрошенные слезы навернулись на глаза.

Голоса за перегородкой стихли, и Эмили побрела в отхожее место. Лицо горело, щеки намокли от слез. А что, если не только японцы считают ее безобразной? Что, если и голландцы такого же мнения? Все ее подруги уже замужем, а ее впору называть старой девой.

«Но ведь Эдвард сделал мне предложение, — попыталась утешить она себя, но в голову тут же закралась досадная мысль: — Ага, после того, как провел три месяца на корабле, где я была единственной женщиной моложе сорока. А стоит ему увидеть какую-нибудь белокурую красотку, как он тут же передумает!»

В свое время за ней ухлестывали два кавалера, и казалось, дело движется к алтарю. Но Альберт в итоге женился на дочке банкира, а Рудольф попросил руки своей кузины — белобрысой и бледной как моль.

Терзаясь обидами, Эмили наконец дошла до уборной. Зажечь фонарь было нечем, но отыскать дыру в полу она смогла и в темноте. Облегчившись, она вернулась к себе. Легла на футон и попыталась уснуть, но горечь и досада стесняли грудь, не давая сомкнуть глаз.

И зачем только она вообще потащила в эту дурацкую страну? Надеялась найти свою мать? В детских воспоминаниях Япония была прекрасной. Цветущие сады, опадающие розовые лепестки, звон колокольчиков на ветру... И нежный голос матери, зовущий ее «Эми-тян».

А на деле? Провонявшая рыбой деревня, странная еда и лицемерные япошки, говорящие гадости за спиной.

Эмили еще долго ворочалась на футоне, но все же усталость взяла верх, и она уснула.

Глава 4

Стояло раннее утро. Сквозь бумажную перегородку в комнату проникал мягкий свет. Спать уже не хотелось, и Эмили поднялась.

На комоде она обнаружила шпильки, которые Наоко помогла ей вчера вытащить из прически, а также гребешок. Зеркала в комнате не было, поэтому расчесываться и собирать волосы в узел пришлось на ощупь.

Почистить бы зубы, но щетка и зубной порошок остались на корабле. Эмили зло усмехнулась. Что ж, придется япошкам потерпеть еще и запах у нее изо рта. Интересно, принято ли у них вообще чистить зубы?

Но для начала нужно одеться, так как сейчас на ней был только легкий халат, в котором она спала. Эмили подошла к перекладине, где висели кимоно и бесчисленные накладки, ленты и пояса, которыми Наоко щедро обмотала ее вчера.

«Не буду цеплять на себя эту ерунду», — решила Эмили. Она надела только нижнее и верхнее кимоно и подпоясалась тесьмой. Выглядело простецки, словно банный халат, но эти гадкие япошки все равно считают ее уродиной, так что какая разница?

Расправив подол, она огляделась по сторонам. Что теперь? Ждать, пока ее позовут, или выйти из комнаты и кого-нибудь разыскать? Поразмыслив, она решила остаться. Шататься по чужому дому было как-то неловко.

Чтобы занять себя, она принялась изучать комнату. Пол устилали идеально уложенные татами, их соломенные волокна слегка поблескивали в утреннем свете.

Здесь не было громоздких столов, стульев или шкафов, но обстановка не выглядела скудной. Четкие линии, прямые углы, переходы света и тени радовали глаз, создавая гармонию пустоты.

Разглядывая наружную стену, Эмили заметила круглое углубление для пальцев. Значит, панель можно сдвинуть и выйти в сад?

Решив это проверить, она схватилась за край углубления и потянула. Стена действительно легко отъехала в сторону, открывая выход на веранду.

Восходящее солнце золотыми лучами заливало двор. Эмили зевнула, потянулась и вдруг замерла. На лужайке перед домом она увидела Сайто. Он упражнялся с двумя мечами — коротким и длинным. Клинки мелькали в его руках так быстро, что Эмили видела лишь смутные очертания лезвий и слышала свист, с которым они рассекали воздух.

Эмили затаила дыхание, завороженная совершенством его движений. Он чередовал удары, то наступая, то отступая быстрее вихря. Босые ступни скользили по траве, сбивая росу. Четкие выпады, плавные развороты — казалось, мечи были не просто оружием, а его сущностью, частью его самого.

После очередного выпада, Сайто замер в упругой боевой стойке, вскинув короткий меч над головой, а длинный — выставив перед собой словно бык, наостривший рога.

И тут он заметил Эмили. Она смутилась и хотела юркнуть в дом, но Сайто кивнул ей, неторопливо вкладывая мечи в ножны.

— С добрым утром. Надеюсь, вам хорошо спалось? — произнес он.

— Да, спасибо. — Эмили поклонилась в ответ.

Сайто направился к колодцу, на ходу стягивая с себя веревку, за которую были заткнуты рукава. Достав ведро воды, он умылся, а затем выпростал руки из кимоно и принялся плескать водой на подмышки, плечи и грудь.

Эмили стыдливо опустила глаза, но не удержалась и украдкой взглянула на него. Поджарый торс блестел от воды и казался твердым, словно высеченным из камня. Чувствуя, как щеки заливают краска, Эмили отвернулась.

Закончив умываться, Сайто вновь натянул кимоно на плечи и двинулся к дому. Эмили посмотрела на колодец, где по-прежнему стояло ведро.

— Могу ли я тоже умыться? — спросила она.

— Вы можете пойти в купальню, но если хотите, умывайтесь здесь. В ведре осталось немного воды. Я могу достать еще, если нужно.

— Нет-нет, мне хватит, спасибо.

Спустившись в сад, она подошла к колодцу и зачерпнула из ведра ковшик воды. Протерла лицо, прополоскала рот. Вода была свежей, приятной на вкус. Захотелось есть.

Оглянувшись, Эмили увидела, что Сайто сидит на веранде, поджав под себя скрещенные ноги. Кажется, это подходящий момент, чтобы поговорить с ним о поисках отца.

Она вернулась и тихо присела рядом. Сайто молчал. Эмили уже хотела завести беседу, но тут из-за угла показалась красивая трехцветная кошка. Грациозно подойдя к хозяину, она забралась к нему на колени и свернулась в клубок. Сайто ласково почесал ее за ухом, и кошка издала довольное «Мр-р-р!»

Пока Эмили размышляла, с чего начать разговор, ее взгляд упал на лежавшие между ней и Сайто мечи в черных лаковых ножнах. Оба имели одинаковые рукояти в кожаной оплетке. В

какой-то книге Эмили прочла, что длинный меч называется «катана», а вот название короткого она забыла или не знала вовсе.

Она невольно протянула руку к катане и, не задумываясь, погладила ребристую рукоять.

— Осторожней, Эмири! — спокойно произнес Сайто. — Прикоснуться к оружию без разрешения — это оскорбление. За это вас могут убить.

— Ой! — Она поспешно отдернула руку.

— Вам следует быть аккуратней. Честь самурая очень легко задеть.

— Самурая?

Сайто с какой-то странной нежностью провел пальцами по изогнутым ножнам.

— В Японии люди делятся на четыре класса, — сообщил он. — Самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы. Самураи — это воины, защитники земли и своих господ. Лишь они имеют право носить дайсё — два меча. И у некоторых есть плохая привычка — проверять остроту клинка на тех, кто поклонился недостаточно низко.

Эмили с опаской покосилась на оружие.

— Неужели можно убить человека лишь за то, что он не поклонился как надо? Вы бы тоже за такое убили?

Сайто нахмурился. Эмили испугалась, что перегнула палку. Кошка, видимо почувствовав напряжение хозяина, выпустила когти, впиваясь ими сквозь штанину в его бедро.

— Я не убиваю без веской причины, — сказал Сайто, осторожно отцепляя от себя кошачьи лапы. — Но не все думают так же. Некоторые самураи горды выше всякой меры. Даже то, как вы здороваетесь, как смотрите на них, может быть воспринято как неуважение. Один неверный шаг, и вас могут убить.

— Спасибо за предупреждение, — пробормотала Эмили. — Постараюсь быть осторожней.

Сайто кивнул и, отвернувшись от нее, стал смотреть на сад.

«Я не убиваю без веской причины». Вопрос в том, что именно он считает веской причиной. Неужели ему уже приходилось убивать? Эмили украдкой взглянула на Сайто. Он молчал, но не казался рассерженным или оскорбленным. Напротив, весь его вид излучал безмятежность. Он сидел расслабленно, хоть и с прямой спиной, и кошка снова мирно дремала у него на коленях.

Эмили тоже посмотрела на сад и вдруг услышала тишину. Ощутила свежесть раннего утра и выбросила все мысли из головы, наслаждаясь моментом.

Вот с клена сорвался зеленый с багровыми подпалинами листок. Кружась, он опустился на воду, и к нему, шевеля полупрозрачными плавниками, подплыли любопытные рыбы. Над прудом зависла, сверкая крылышками, стрекоза. Через секунду она рванулась в сторону, но тут же вновь замерла.

Эмили перевела взгляд на замшелые камни, торчащие посреди площадки, усыпанной светлым песком. Вчера она видела, как садовник граблями рисовал на песке борозды, и сейчас ей показалось, будто это волны, которые бьются о скалы, выступающие из воды.

«Красиво здесь», — подумала она. Голландские сады были совсем другими. Вода, заключенная в каменные фонтаны, геометрически правильные клумбы, ровно подстриженные кусты. Здесь же все иначе. Красота не в идеально прямых линиях, а в игре света и тени, в сочетании сочной зелени и серых камней. Этот сад не стремился подчинить природу, а, напротив, принимал ее такой, какая она есть.

— Эмири? — голос Сайто вырвал ее из раздумий.

— Да? — Она повернулась к нему. Солнце светило ему в лицо, и Эмили заметила, что его глаза не черные, а темно-карие, цвета крепкого чая.

— Вы готовы отправиться в Нагасаки?

— Когда? — встрепелась она.

— Сегодня.

— Так скоро? Но корабль я подумала, быть может он еще где-то рядом

— Нет, — отрезал Сайто. — Я посылал человека на берег. Никакого корабля поблизости нет. Но если вы хотите еще отдохнуть

Эмили задумалась. Плечи и мышцы рук побаливали после барахтанья в море, на теле была пара ушибов, но в целом она чувствовала себя хорошо. И правда, к чему злоупотреблять гостеприимством? Чем раньше она доберется до Нагасаки, тем скорее разыщет отца.

— Думаю, я выдержу дорогу.

— Хорошо, — кивнул Сайто. — Тогда после завтрака отправимся в путь.

Прежде чем идти в дом, Эмили заглянула в ванную. Там она обнаружила коробочку с ивовыми прутиками, размочаленными на конце. Догадавшись, что эти веточки служат японцам в качестве одноразовых зубных щеток, Эмили кое-как почистила зубы, после чего вернулась к себе.

Наоко пришла в священный ужас, увидев, как фривольно она обошлась с одеждой. Во-первых, вместо широкого пояса-оби подпоясалась какой-то бечевкой. Во-вторых — проигнорировала нижнюю юбку и ворох накладок и мелочей. А в-третьих, и это было самым ужасным — запахнула кимоно на левую сторону, что, несомненно, навлечет на нее несчастье, ведь так одевают только покойника на похоронах.

«Странно, что Сайто ничего мне по этому поводу не сказал, — подумала Эмили, слушая причитания служанки. — Наверное, такие мелочи его просто не волнуют».

— Ваша одежда высохла, — наконец пропищала Наоко. Она указала на вешалку, где висел дорожный костюм.

Эмили задумалась. В чем отправиться в путь? Наверное, в привычном платье и ботинках будет удобнее, чем в кимоно. Она стала облачаться в свою одежду, а служанка с любопытством наблюдала за ней. Затянув корсет и надев нижнюю и верхнюю юбку, Эмили вспомнила, как Наоко высмеивала ширину ее бедер.

«Видела бы ты, в чем я танцевала на рождественском балу», — усмехнулась Эмили, вспоминая платье из голубой тафты с кринолином настолько широким, что она в нем едва протиснулась в дверь.

Но даже скромный дорожный костюм так подчеркивал изгибы ее тела, что на ее фоне японка казалась тщедушной восьмилетней девочкой без талии, ягодиц и груди.

Когда Эмили, наконец, вошла в комнату, где сидел Сайто, он бросил на нее внимательный взгляд и сдвинул брови:

— Лучше бы вам надеть японскую одежду, — произнес он.

— Почему?

— Многие люди никогда не видели чужеземцев. В голландском платье вы привлечете лишнее внимание.

— Хм... Ладно, спасибо за совет, — с досадой буркнула Эмили.

— Давайте позавтракаем, а потом Наоко поможет вам переодеться.

Эмили опустилась на колени перед своим столиком. Громоздкие юбки надулись, заняв пространство вокруг, а корсет впился в ребра, которые все еще побаливали.

«Нет, все-таки для их кукольных домиков больше подходит кимоно», — подумала Эмили, пытаясь устроиться поудобнее.

Вошла Наоко и, преклонив колени, принялась выставлять тарелки с подноса на столики. Эмили взглянула на еду. Суп? Но где же в таком случае ложка? Кроме палочек, других приборов не наблюдалось. И как прикажете есть палочками суп?

«Ладно, буду повторять за Сайто», — решила Эмили. Она взяла палочки с подставки. Как их там правильно держать?

— Вот так. — Сайто продемонстрировал, как нужно брать палочки.

— Спасибо.

Он взял со столика пиалу и поднес ее к лицу. Все оказалось предельно просто: сначала выпиваешь бульон, потом съедаешь все остальное. Главное — не обляпаться.

Эмили подняла миску, вдохнула теплый пар и слегка поморщилась. Пахло шпинатом, водорослями и рыбой. В мутной коричневой жиже плавали зеленые листья и белые кубики, напоминающие сыр.

Она попробовала один из них — он оказался безвкусным. Затем осторожно отхлебнула бульон. Солоновато-кислый суп походил на огуречный рассол.

Сделав несколько глотков, Эмили поняла, что он не так уж и плох, особенно, учитывая его не слишком приятный запах. В любом случае, нужно подкрепиться перед дорогой, ведь неизвестно, когда получится поесть в следующий раз.

Чем дольше она сидела на полу, тем сильнее хотелось переодеться. Косточки корсета все глубже врезались в бока, подвязки чулок давили под коленями так, что немели икры. Пожалуй, в кимоно ей будет легче переносить тяготы пути.

— Как вы думаете, с чего мне следует начать поиски отца? — поинтересовалась Эмили, когда подали чай.

Сайто помолчал секунду, обдумывая ответ, затем сказал:

— Мой господин, Ямаширо-сама, сейчас как раз находится в своей резиденции в Нагасаки. Я отведу вас к нему, и он поможет вам найти отца.

Эмили нахмурилась. Какой еще господин? Зачем ей обращаться к нему? Разве не логичней сразу направиться в порт и узнать о «Морском льве»?

Однако все вопросы она оставила при себе. Сначала нужно добраться до Нагасаки, а там будет видно.

После завтрака Наоко помогла ей надеть кимоно. Эмили наотрез отказалась утягивать грудь и цеплять на тело валики и подкладки. Японка повздыхала, но смирилась. Дорожный костюм она упаковала в плетеный короб, стоящий у стены.

— Еще я положила зонтик, гребень, заколку... — служанка перечислила содержимое короба, жестами изображая каждый предмет.

Эмили благодарно кивнула. Как любезно со стороны Наоко позаботиться об этих мелочах. Если бы не подслушанный ночной разговор, то ее можно было бы счесть вполне милой особой.

К коробу были приделаны лямки. Наоко подняла его, нацепила его себе на спину на манер солдатского ранца и раздвинула перед Эмили дверь. Увидев на полу прихожей шлепанцы-гэта, Эмили хотела их обуть, но Наоко ее остановила.

— Нет. В дорогу лучше варадзи. — Она указала на сандалии, представляющие собой соломенную подошву с веревочками.

Эмили пожалала плечами. Какая разница, в чем сидеть в экипаже? Она бы предпочла свои ботинки, но их уже упаковали, да и с кимоно они будут смотреться нелепо.

Наоко помогла ей обуться, а затем надела на ее голову большую плетеную шляпу. Они вышли из дома.

У ворот, подпирая стену, стоял японец средних лет в потрепанной рубаше. Эмили смутили его жилистые голые ляжки: на нем не было штанов, а срам прикрывал лишь клочок ткани, пропущенной между ног.

Суетливо поправив повязку на лбу, незнакомец приблизился. Его крупные желтые зубы не помещались во рту и торчали расческой, а лицо было черным от загара. Однако Наоко нисколько не смутил его неприглядный вид. Она вежливо улыбнулась и поклонилась.

— Вот вещи Эмири-сан. — Она указала на короб с одеждой Эмили. — Это все.

Оборванец отвесил низкий поклон и, подхватив багаж, понес его к воротам. Эмили заметила прислоненную к стене конструкцию из бамбуковых прутьев, на которой было закреплено несколько ящиков и корзин.

«Должно быть, это носильщик, — догадалась она, глядя, как японец привязывает ее короб к раме. — Но... разве мы не поедем в экипаже?»

— Готовы? — услышала она голос Сайто.

— Да. — Эмили оглянулась и недоуменно уставилась на огромную корзиноподобную шляпу, закрывающую его лицо.

Сайто кивнул носильщику, и тот взгромоздил конструкцию себе на спину на манер рюкзака. У Эмили упало сердце. Неужели весь путь предстоит проделать пешком? Она почему-то думала, что поедет в карете или, на худой конец, верхом. Ей и в голову не приходило, что под «тремя днями пути» подразумевается пеший переход.

Но ничего не поделаешь. Обреченно вздохнув, Эмили вышла за ворота следом за Сайто и зашагала по пыльной тропе.

Глава 5

В поселении уже вовсю кипела жизнь. Женщины чистили и разделывали рыбу, старики чинили сети, по улице носилась детвора.

Завидев Сайто, все поспешно кланялись, оставляя свои дела. Пусть широкая шляпа и скрывала его лицо, два меча, торчащие из-под темной накидки, выдавали его истинный статус.

А еще Эмили заметила, что Сайто был единственным, кто носил широкие штаны. Остальные мужчины щеголяли в узких панталонах до колен, а то и вовсе сверкали голыми ляжками. Видимо, привилегией самураев являются не только мечи, но и штаны.

Последние хижины остались позади, и дорога зазмеилась по крутому берегу вдоль обрыва. Слева искрилось море, справа, подобно ступеням гигантской лестницы, взбирались на холмы желто-зеленые рисовые поля.

На водной глади темнели рыбацкие лодки, но «Морского льва» среди них Эмили не нашла.

По глубокому, безмятежному небу лениво плыли редкие облака. Единственным, что омрачало идиллию, был отчетливый душок человеческих испражнений. Эмили потянула носом, пытаясь определить источник вони, и даже взглянула на подошвы своих сандалий, но те были чисты. К счастью с моря подул ветерок, принося с собой запахи соли и водорослей, и зловоние развеялось.

Навстречу попадались прохожие, большей частью — простые селяне. В темной одежде и конических соломенных шляпах, они тащили коромысла с корзинами и тюками. Почтительно поклонившись Сайто, они продолжали свой путь.

Сзади вдруг послышался частый топот ног. Эмили едва успела отскочить в сторону, как мимо промчался молодой мужчина, чье мускулистое тело блестело от пота. Его единственной

одеждой была набедренная повязка. На плече он держал бамбуковый шест, на конце которого покачивался небольшой ящик.

Человек двигался с такой скоростью, что напоминал летящую стрелу. Он ни на секунду не замедлялся, даже когда протискивался между путниками, не глядя по сторонам.

— Куда это он так спешит? — удивилась Эмили вслух.

— Это хикяку — гонец, — ответил Сайто. — Они доставляют между городами важные письма и документы.

«Разве верхом не было бы быстрее?» — подумала Эмили. И тут она осознала, что за все утро им не встретилось ни одного всадника, ни единой повозки. Лишь изредка попадались тощие, низкорослые клячи, которых вели под уздцы, навьючив всяким добром.

— Вас удивляют лошади? — спросил Сайто, заметив, как она провожает взглядом очередное животное. — В Голландии их не держат?

— Как раз наоборот. — Эмили покачала головой, вспоминая широкие улицы Амстердама, заполненные стуком копыт и скрипом колес. — У нас на дороге скорее встретишь всадника или карету, чем пешехода. Поэтому мне непривычно видеть, что все эти люди идут пешком.

— Простолюдинам не дозволено ездить верхом, — отрезал Сайто. — Колесные повозки тоже запрещены.

— Но почему?

— Чтобы сохранить дорогу в хорошем состоянии.

Эмили вспомнила, как они с отцом ехали в Роттердам по раскисшему тракту. Глубокие лужи, рытвины от колес... Дорога, по которой она шла сейчас, была ровной и чистой. Запрет на повозки определенно приносил свои плоды, но все же...

— Разве не для того и существуют дороги, чтобы по ним ездить? — спросила она.

Сайто бросил на нее взгляд, каким взрослый смотрит на ребенка, не понимающего простейших истин.

— Если каждый начнет ездить, как ему вздумается, то не останется ни дороги, ни порядка.

— А причем здесь порядок? — удивилась она.

— Каждый должен знать свое место. Следовать своему пути. Если крестьянам позволить ездить верхом и свободно проходить через заставы, то они побегут в города. Некому станет сажать рис, и начнется голод.

Эмили взглянула на рисовые террасы, где на желтеющих полях словно муравьи на хлебной корке темнели фигурки селян. Неужели они обречены всю жизнь копать в земле, и никак не могут изменить свою судьбу?

Она вспомнила как отец рассказывал о ее прадеде, сыне плотника и прачки из Амстердама. Однажды он решил, что достоин лучшей доли, и сбежал из дома, чтобы стать юнгой на судне Ост-Индской компании.

Его старания не прошли даром: на Цейлоне он дослужился до старшего интенданта и сумел сколотить небольшой капитал.

Именно благодаря тому дерзкому решению она теперь жила в достатке, и перед ней открывались двери, о которых многие могут только мечтать.

А что, если бы прадед смирился со своей долей? Кем бы сейчас были его потомки? Возможно, с утра до ночи горбатились бы на мануфактурах и ютились в трущобах без проблеска надежды на лучшую жизнь.

Эмили шла, погруженная в свои мысли, когда из придорожных зарослей выскочили двое мальчишек с корзинами за спиной. Тощие и чумазные, в одних набедренных повязках, они наперегонки ринулись к кучке свежего навоза и принялись драться за нее как за ценный трофей.

Схватка за столь сомнительное сокровище оказалась недолгой. Более рослый мальчишка отпихнул мелкого, зачерпнул навоз деревянным совком, вывалил в свою корзину и скрылся в кустах. Его тощий противник бросился следом, видимо, надеясь отобрать добычу.

— Что они делают? — Эмили проводила их недоуменным взглядом.

— Собирают удобрения для полей, — ответил Сайто. — Крестьяне используют все, что помогает увеличить урожай.

— Так вот почему дорога такая чистая, — догадалась Эмили, вспоминая улицы родного Амстердама, где даже в лучших кварталах приходилось смотреть, куда ставишь ногу, чтобы не вляпаться в лошадиный навоз.

И тут она вспомнила зловоние, которое преследовало ее в начале пути. Краска бросилась ей в лицо, когда она осознала его вероятное происхождение. Похоже, на удобрения идет не только навоз, но и человеческие какашки.

Эта мысль вызвала у нее двоякое чувство: с одной стороны, брезгливость, но с другой — уважение к рачительности и смекалке японцев, извлекающих пользу даже из таких низменных вещей.

Дорога, петляющая вдоль крутого берега, казалась бесконечной. Солнце припекало, но к счастью деревья, растущие по обочинам, давали приятную тень. Сайто шел впереди, Эмили, разглядывая окрестности, шагала следом, а замыкал шествие носильщик, за все это время не проронивший ни слова.

Внезапно за спиной раздались какие-то крики. Сайто застыл, прислушиваясь, затем обернулся и мягко, но настойчиво подтолкнул Эмили к краю дороги.

— Встаньте на колени и поклонитесь, — попросил он.

— Что?

— Пожалуйста, сделайте, как я говорю.

Эмили в замешательстве оглянулась. Все путники, словно по безмолвной команде, спешно отступали к обочине. Они снимали шляпы и опускались на колени, будто невидимая волна пригибала их вниз.

Чувствуя себя актрисой, не выучившей важную роль, Эмили неуклюже повторила их движения. Носильщик распластался на земле, прижавшись к ней лбом, а Сайто опустился на одно колено, склонил голову и коснулся земли кончиками пальцев.

Крики приближались, и Эмили разобрала:

— Разойдитесь! Склоните головы! Всем разойтись!

Вскоре мимо прошествовала группа людей. Эмили отважилась украдкой взглянуть на нее. Впереди шел глашатай, требующий уступить дорогу. Следом четверо несли на плечах богато украшенную кабину, прикрепленную к длинным шестам.

Эмили заметила, как кто-то лениво обмахивается веером в ее окне. По бокам шагали самураи, ножны их мечей поблескивали на солнце. Замыкали шествие трое носильщиков, сгибающиеся под тяжестью багажа.

Процессия медленно растворилась в мареве дорожной пыли. Люди один за другим начали подниматься с колен. Сайто кивнул Эмили — можно встать.

— Кто это был? — поинтересовалась она.

— Не знаю, — ответил он, отряхивая штанину от дорожной пыли.

— Но почему мы должны были кланяться?

Сайто посмотрел на нее как на несмышленища, не понимающего простейших вещей.

— Потому что в норимонах ездят только самые важные чиновники, — терпеливо пояснил он. — Все обязаны проявлять к ним почтительность. Иначе это может стоить жизни.

Эмили закусила губу. Какая жестокость! Убивать людей только за то, что они не поклонились какому-то чинуше? Уму непостижимо! Когда в Амстердаме по улице проезжала карета

с королевскими гербами, то горожане лишь останавливались и снимали шляпы, а не падали на колени в грязь.

Но, похоже, для Сайто подобные церемонии были в порядке вещей. Он кланялся, ему кланялись — он существовал во всем этом как рыба в воде. Наверное, ему и в голову не приходило, что где-то может быть иначе.

Он невозмутимо шагал впереди, явно не подозревая, какое негодование бурлит у Эмили в душе. Как он может так спокойно принимать этот мир, где человеческая жизнь стоит меньше, чем правильно исполненный поклон?

Тропа вилась вдоль обрыва. С моря доносился шум прибоя, с другой стороны зеленой стеной возвышался лес. Эмили устала. Полуденное солнце нещадно пекло. Она обмахивалась веером, но спина и подмышки все равно взмокли от пота.

Наконец они вышли на мыс. Впереди сверкающей рябью играло море, а на горизонте в легкой дымке виднелись соседние острова.

У берега покачивалась на волнах большая плоскодонная лодка. Кроме гребцов, в ней сидело несколько путешественников. Еще двое пытались затащить на нее лошадь, которая всхрапывала и мотала головой, разбрасывая пену с удил. Тюки на ее спине при каждом движении опасно кренились.

Сайто подошел к лодочнику и что-то спросил. Тот покачал головой.

— Свободных мест нет, — сообщил Сайто, вернувшись к Эмили и носильщику. — Придется ждать следующую лодку.

Эмили взглянула на море, щурясь от слепящей воды. Вдали темнело несколько суденышек.

— Это долго? — спросила она, чувствуя, как пот щекочет спину под кимоно.

— Не очень. А пока почему бы нам не перекусить? — Сайто указал на небольшую закусочную под открытым небом, стоящую на берегу.

— С удовольствием.

Они устроились на скамейке под навесом из тростника, а носильщик уселся на камень в тени раскидистой сосны. Сайто купил для всех рисовые клецки на палочке, жареного угря в карамельной глазури и холодный чай.

Эмили с любопытством надкусила клецку — теплый, мягкий рис, смешанный с пряностями, таял во рту. Жареный угорь в золотистой корочке оказался еще вкусней.

— Эмири, я бы хотел побольше узнать о вашей стране, — произнес Сайто, отхлебнув чай. — Вы расскажете мне о ней?

— Да, конечно, — улыбнулась она.

За разговором время шло незаметно. Эмили рассказывала о Голландии в меру своих познаний, а Сайто внимательно слушал, то и дело прикрывая глаза, словно пытаясь нарисовать в воображении далекую страну каналов и ветряных мельниц.

— Помимо короля Голландией правят Генеральные Штаты. — Эмили старалась говорить как можно понятнее. — Это совет, который принимает важные решения. Он состоит из представителей, которых выбирает народ.

— Народ? — Сайто нахмурил брови. — Кого вы подразумеваете под этим словом?

— Голосовать могут мужчины, которые платят налоги. Сумма... — Эмили подняла глаза к небу, припоминая, — не слишком велика.

— Мужчины, которые платят налоги? Даже торговцы? И крестьяне?

— Разумеется. — Эмили пожала плечами. — Они могут не только выбирать, но и быть избранными.

— Быть избранными? — Сайто подался вперед так резко, что едва не расплескал чай. — Вы хотите сказать, что они могут войти в Совет?

— Если другие избиратели их поддержат — да.

Сайто умолк, устремив взгляд на море. Когда он снова заговорил, его голос звучал тише, словно он рассуждал сам с собой:

— Крестьянин в Совете? — Он с сомнением покачал головой. — Но откуда простолыдину знать, как управлять государством? А если он окажется недостойным этой чести? Лжецом или дураком...

— Если он окажется плохим политиком, то на следующий срок выберут нового.

— А старого казнят? — оживился Сайто.

Эмили не смогла сдержать улыбки.

— Нет. Разве что отправят в тюрьму или сошлют в колонии, если уличат в серьезном воровстве. Но люди, по крайней мере, могут сменить своих представителей, если те не оправдывают надежд. Так мы находим самых достойных — тех, кто действительно печется о благе страны.

Сайто задумчиво провел пальцем по краю чашки.

— Все это звучит довольно странно, — наконец пробормотал он. — Однако... — его взгляд скользнул к горизонту, — голландцы бороздят океаны на своих кораблях, пока мы,

японцы, сидим как лягушки в колодце, не видя звезд. Возможно, в ваших словах все же есть здравый смысл.

Эмили удивленно моргнула. Она не ожидала, что ее скудные познания о политике вызовут столь глубокий отклик.

— А как в Японии? — прожевав последнюю клецку, спросила она. — Кто управляет страной?

— Попробую объяснить. — Сайто помедлил, собираясь с мыслями. — Начнем с самого верха. В Японии есть тэнно, его дворец расположен в городе Кё.

— Тэнно — это ваш король?

— На нашем языке тэнно означает «небесный владыка». А по-голландски его, кажется, называют «император». Он ведет свой род от богини солнца Аматэрасу.

Эмили сдержала улыбку. Японский император не первый и не последний монарх, приписывающий себе божественное происхождение. Вон, египетские фараоны тоже этим грешили.

— Значит, Японией правит император? — уточнила она, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало скепсиса.

— Нет, — Сайто глубоко вздохнул, и в этом вздохе почудилась затаенная горечь. — Реальной политической власти у него нет.

— А чем же он тогда занимается?

— Он — посредник между богами и людьми. Его ритуалы поддерживают гармонию в стране. Он составляет календарь и помогает солнцу совершать по небу свой путь.

«Какой-то языческий бред», — подумала Эмили, но не стала возражать. Сейчас не время для теологических споров.

— А кто же тогда правит страной? — спросила она.

— Сёгун. — В голосе Сайто появился едва уловимый холод. — Это военный правитель, которому император... — он замялся, подбирая подходящее слово, — ...доверил дела государства. Двор сёгуна называется бакуфу. Их столица — город Эдо.

Эмили нахмурилась. Получается в Японии два правителя и две столицы? Как они уживаются между собой?

— Вся Япония поделена на княжества — ханы, — продолжал Сайто. — Ими управляют даймё. Сёгун дал им власть над землями в обмен на верную службу.

Эмили попыталась уложить услышанное в привычные рамки. Сёгун — это что-то вроде короля. Даймё похожи на герцогов и графов, а тэнно... наверное, его можно сравнить с римским папой.

— Значит, каждый даймё — начала она, осторожно подбирая слова, — подчиняется сёгуну и при этом управляет своими землями как хочет?

Сайто слегка улыбнулся ее догадливости, но улыбка не коснулась его глаз.

— В общих чертах — да. У каждого княжества свои законы и обычаи, но — его голос стал тише и жестче, — преданность сёгуну превыше всего. Бакуфу строго следит за тем, чтобы ни один хан не стал слишком... самостоятельным.

Пальцы его руки, лежащей на столе, сжались в кулак. Какое-то время Сайто молчал, задумчиво глядя вдаль, затем продолжил:

— Этот остров принадлежит к княжеству Сацума, которым правит род Симадзу. Мой господин, Ямаширо Нобуясу-сама, служит советником даймё.

Сайто произнес это имя с таким почтением, чуть ли не вытянувшись по струнке, словно Ямаширо-сама сейчас собственной персоной стоял перед ним. И почему-то встречаться с этим загадочным господином Эмили хотелось все меньше.

Отставив пустую чашку, Сайто взглянул на морскую гладь:

— Лодка плывет. Нам пора.

Вскоре они взошли на борт плоскодонки. Гребцы взяли за весла, и лодка отчалила. Море дышало спокойствием, лишь на его поверхности играла легкая рябь. В безоблачном небе носились чайки, их пронзительные крики смешивались с размеренным плеском воды.

Эмили вдыхала соленый воздух, наслаждаясь бризом, ласкающим разгоряченное лицо. Сайто сидел напротив, сосредоточенно глядя на горизонт. Свою шляпу он держал на коленях, и Эмили заметила, как его волосы мягко переливаются на солнце.

Лодка плыла вперед, вздымаясь и проваливаясь при каждом взмахе весел. Из воды постепенно вырастали очертания островов – зеленые холмы, похожие на спины спящих драконов.

Путешествие длилось около часа, и когда нос лодки закрипел по прибрежной гальке, Эмили испытала легкое сожаление от того, что столь приятный отрезок пути подходит к концу.

Выбравшись на берег, они отправились дальше. Сразу за каменистым пляжем начинался бамбуковый лес. Стройные, сизые, будто в патине стволы частоколом вздымались по сторонам.

Неожиданно Сайто свернул с дороги на тропинку, едва заметную в поросли молодого бамбука. Эмили, слегка удивленная, ускорила шаг и догнала его. В глазах зарябило от солнечных бликов, пробивающихся сквозь зеленый полог.

— Почему мы свернули с пути? — спросила Эмили, настороженно озираясь по сторонам.

— Обходим пограничную заставу между Сацумой и Хиго, — отозвался Сайто, не замедляя шаг.

— Разве нельзя пройти напрямую?

— Для этого нужна подорожная грамота, а у вас нет.

Эмили нахмурилась.

— А где ее можно получить?

— В местной управе. Но... одинокая женщина-иностранка, путешествующая без мужа или отца Чиновники будут в замешательстве. Они станут бесконечно совещаться с начальством, искать похожие случаи в архивах... Это растянется на недели. Обойти заставу куда быстрее.

— Понимаю Спасибо, — пробормотала Эмили.

Она мысленно возблагодарила небеса за то, что Сайто согласился ей помочь. В одиночку, не зная, всех этих тонкостей, она бы ни за что не добралась до Нагасаки.

Тропа петляла среди бамбуковых зарослей. Под ногами шелестели сухие листья, вокруг было тихо, лишь иногда раздавался легкий шорох ветра над головой. Эмили шла, бездумно любуясь окрестностями, но вдруг Сайто застыл на месте, прислушиваясь.

— Кс-со! — сквозь зубы прошипел он.

— Что-то случилось? — всполошилась Эмили, и тут заметила, как между стволами промелькнула тень.

Сайто взялся за рукоятку катаны.

— Отойдите назад! — тихо приказал он.

Глава 6

Эмили отступила под сень бамбука и встала рядом с носильщиком, поймав на себе его испуганный взгляд. Тяжелые шаги нарушили тишину рощи, и на поляну вышло несколько мужчин. У каждого за поясом торчало по два меча.

Сердце замерло, потом заколотилось где-то в горле. Самураи!

Воины остановились, пристально глядя на нее и Сайто. Эмили невольно их пересчитала. Шестеро. В другой ситуации ее, возможно, позабавило бы, что у всех одинаковая прическа: выбритые лоб и макушка, а оставшиеся волосы собраны в хвостик и загнуты вперед. Но сейчас ей было не до веселья.

— Стоять! — рывкнул один из них так, что Эмили вздрогнула всем телом.

Ее бросило в холодный пот. Вот и все — попались при попытке обойти заставу. И что теперь? Эмили украдкой посмотрела на Сайто, но тот казался спокойным.

— Кто ты такой? — предводитель шагнул вперед, указывая на Сайто с властной небрежностью человека, привыкшего, что его приказы выполняются беспрекословно. — Покажи лицо!

Сайто склонил голову, но шляпу не снял.

— Я — простой паломник, — в его голосе звучало почтение, но не страх. — Если не возражаете, мы с женой хотели бы продолжить свой путь.

Самурай прищурился, что-то хищное промелькнуло в его глазах.

— Похоже, ты сбился с дороги, — с язвительной усмешкой процедил он.

— Возможно, — кротко согласился Сайто. — Прошу прощения.

— А может, ты собирался прошмыгнуть мимо заставы как гнусная крыса? — оскалился незнакомец. — И говор у тебя сацумский. Похоже, ты шпион.

Эмили почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она не слышала особой разницы в произношении, но самураи явно уловили в речи Сайто что-то подозрительное.

— Нет, уверяю вас, мы всего лишь паломники. Мы направляемся в храм Кусида, чтобы помолиться Аматаэрасу, — голос Сайто оставался ровным, но Эмили видела, как напряглись его плечи.

— Бросай оружие! — Самурай резко шагнул вперед, и его пальцы сжались на эфесе катаны. — Мы не потерпим шпионов Сацумы на нашей земле!

Звук выходящего из ножен клинка заставил Эмили вздрогнуть. Ладони вспотели, в желудке словно застрял тугой ком. Остальные самураи тоже схватились за мечи и выстроились у предводителя за спиной.

— Я бы предпочел решить это миром. — Сайто достал из-за пазухи небольшой сверток и протянул главарю.

Тот небрежным движением развернул бумагу — на солнце блеснуло золото. Самурай презрительно фыркнул и швырнул монеты в пыль, словно они жгли ему пальцы.

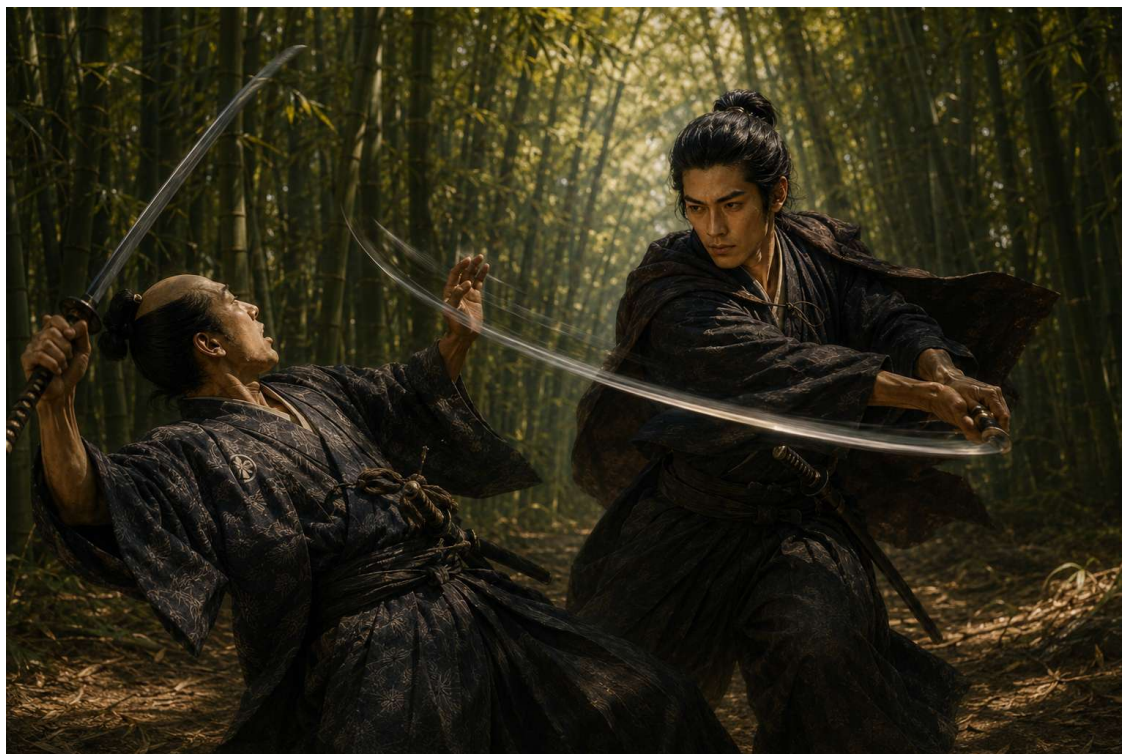
— Да как ты смеешь, грязный сацумский корнеплод! — ощерился он. — Думаешь, сможешь подкупить нас своими вонючими деньгами? Бросай оружие, последний раз тебе говорю!

Сайто медленно выдохнул и покачал головой.

— Нет.

Эмили почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Она поняла — мирного исхода не будет.

Самурай издал яростный крик и бросился вперед. Катана, взметнувшись для удара, блеснула в его руках. Но прежде чем лезвие опустилось, раздался свистящий звук — это Сайто выхватил меч из ножен с такой скоростью, что движение смазалось в размытое пятно.

Влажно чавкнула плоть. Самурай застыл с изумленным лицом. Его губы дрогнули, но вместо слов изо рта хлынула кровь. Он медленно осел на колени, и его тело грузно завалилось набок, обагрив кровью траву.

Остальные застыли, потрясенно глядя на поверженного главара. В воздухе повисла оглушительная тишина.

Сайто небрежно, почти презрительно стряхнул с лезвия кровь, затем неторопливо извлек из ножен короткий меч. Он стоял, держа оба клинка опущенными, будто не замечая угрозы, но Эмили улавливала в нем силу сжатой пружины, готовой развернуться в любой момент.

— Уходите, покуда целы! — его голос прозвучал низко и угрожающе, как рокот надвигающейся грозы.

Самураи переглянулись, их лица исказила ярость. Пять клинков со скрежетом вылетели из ножен, и воины бросились вперед.

Эмили в панике отшатнулась, зацепилась ногой за корень и плюхнулась задом на землю. В ужасе она закрыла руками лицо, а вокруг творился суший ад. Звон стали, свирепые вопли, свист воздуха, рассекаемого клинком — все смешалось в какофонию смерти.

— Убейте свидетелей! — хриплый вопль пронзил ее сознание как игла.

Звук удара, за ним — захлебывающийся крик. Что-то тяжелое свалилось на землю возле нее. Эмили открыла глаза и тут же пожалела об этом: рядом с ней распростерся носильщик в луже крови.

Над телом возвышался самурай в зеленом кимоно. Жуткая улыбка искажала его забрызганное кровью лицо.

Он посмотрел на нее, и в его глазах Эмили увидела свое отражение — маленькое, жалкое, обреченное. Он стал поднимать катану. Эмили попыталась отползти, но страх парализовал ее тело, наливая руки и ноги свинцом.

Краем глаза она поймала взгляд Сайто. Он отчаянно отбивался от четверых нападавших, но каким-то чудом заметил ее положение. В следующий миг он крутанулся, уходя от удара, и метнул в спину убийце короткий меч. Клинок блеснул в воздухе, вонзился ему между лопаток, и самурай в зеленом рухнул к ее ногам.

Четверо оставшихся разразились свирепой бранью и обрушились на Сайто с удвоенной яростью.

Эмили смотрела, как они наседают на него со всех сторон. Он метался в зарослях бамбука с потрясающей скоростью — где только что стоял человек, рассекали воздух вражеские клинки.

Бамбуковые стволы падали один за другим, срезанные чудовищной силой ударов, разлетались, будто пшеничные колосья под серпом жнеца. Эмили содрогнулась, представив, как легко такие мечи могут рассечь плоть и кость.

Она перевела взгляд на носильщика, и к горлу подступила тошнота. Верхняя половина туловища была залита кровью, от ее тяжелого, животного запаха темнело в глазах.

Эмили до боли впиалась ногтями в ладони, чтобы не лишиться чувств. Ее трясло, сердце бешено колотилось, но сквозь пелену первобытного ужаса пробивалась мысль: если Сайто падет, ей конец.

«Бежать!» — мелькнуло в ее голове. Эмили рванулась к зарослям, желая лишь одного — затеряться среди бесконечных стволов бамбука.

Но что-то заставило ее оглянуться. Она увидела, как Сайто, уклоняясь от клинка, потерял равновесие. Он упал на спину, его катана отлетела прочь.

Эмили зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Время словно остановилось: она видела торжествующий блеск в глазах нападавших, видела, как двое из них одновременно подняли мечи, чтобы нанести смертельный удар.

Но Сайто откатился в сторону, извернувшись как змея, и клинки врагов вспороли почву там, где мгновение назад была его грудь.

Схватив свой меч, Сайто вскочил на ноги и успел отбить следующую атаку. Из глоток самураев вырвался разочарованный вопль, и они снова бросились на него.

«Их слишком много», — в отчаянии думала Эмили, наблюдая, как самураи кружат вокруг Сайто, словно стая волков.

Стоило ему отразить выпад одного, как тут же приходилось уворачиваться от другого. Они медленно, но верно загоняли его в ловушку, сужая круг.

Эмили ощутила, как где-то внутри нарастает отчаянное упрямство. Нет, она не может сбежать и оставить его на погибель, ведь он спас ей жизнь. Взгляд заметался по поляне в поисках чего-нибудь — камня, палки, любого предмета, который мог бы переломить ход боя.

Рядом с телами убитых самураев валялись их катаны. На мгновение Эмили замерла, глядя на смертоносную сталь, но тотчас отбросила эту идею. Что она, никогда не державшая оружия в руках, сможет противопоставить опытным бойцам?

Тут среди побитых стволов она заметила бамбуковую палку, срубленную шальным клинком. Ноги подкашивались, но Эмили подошла и схватила ее. Кромка косого среза была острой, как наконечник копья. Это должно сработать!

Самураи не обратили на нее внимания, увлеченные схваткой. Они наседали на Сайто, пытаясь достать его среди пружинящих бамбуковых стеблей, и он лишь каким-то чудом все еще оставался в живых.

Дрожа от страха, Эмили подкралась поближе и, уловив момент, ткнула острым концом палки в спину ближайшего врага.

Тычок вышел слабым, даже не продырявил одежду. Самурай мигом развернулся. Его лицо исказилось презрением — как посмела женщина вмешаться в бой? Он вскинул катану, и Эмили с ужасающей ясностью осознала — сейчас она умрет.

Но тут самурай вскрикнул, его глаза расширились от удивления и боли. Из его груди вынырнуло окровавленное острие меча, на мгновение блеснув в лучах солнца, прежде чем исчезнуть вновь.

Лезвие Сайто пронзило его насквозь. Самурай издал булькающий звук, выронил меч и, шатаясь, рухнул на землю.

Эмили судорожно глотнула воздух и крепче стиснула палку, но не успела направить ее на следующего врага. Взмах катаны, и ее «копье» разлетелось на части.

Второй удар предназначался ей, но Сайто оказался быстрее. Его клинок сверкнул серебряной молнией, и рука самурая, все еще сжимающая катану, отделилась от тела.

Горячая кровь брызнула Эмили в лицо, и она с ужасом поняла, что это — чужая жизнь, утекающая на ее глазах.

Но даже потеряв руку, враг не упал. С яростным шипением он потянулся к короткому мечу на поясе, но Сайто не дал ему этого шанса. Стремительный росчерк катаны — и голова самурая слетела с плеч.

Эмили успела заметить идеально ровный срез, похожий на спил бревна, прежде чем фонтаном брызнула кровь.

Обезглавленное тело сделало пару неверных шагов и рухнуло к ее ногам. Эмили отпрянула, подавляя рвотный позыв, и тут увидела, что к Сайто за спину подбирается другой самурай, занося клинок для удара.

— Сзади! — закричала она.

Сайто извернулся словно кот, но Эмили показалось, что катана задела его на излете. Однако в тот же миг он завершил разворот сокрушительным ударом, рубанув самурая от плеча до пояса. Тот сдавленно охнул, его тело выгнулось дугой и, корчась, упало на траву.

Последний враг словно прирос к земле, ошеломленный и побелевший. Сайто резким движением стряхнул с катаны кровь и двинулся к нему.

То, что произошло дальше, поразило Эмили до глубины души. Самурай выхватил из-за пояса короткий меч и решительно вонзил его себе в живот.

Крик боли слился со звуком разрываемой плоти, когда он резко дернул клинок в сторону и вверх. Его одежда тут же покраснела от крови. Рухнув на колени, он стал заваливаться вперед, но, прежде чем он упал, Сайто резким взмахом катаны отрубил ему голову.

Повисла тишина, в которой Эмили слышала только мягкий шелест листвы и тяжелое дыхание, вырывающееся у нее из груди.

Все враги были повержены. Реальность происходящего обрушилась на Эмили мутной волной. У нее подкосились ноги. Она судорожно ухватилась за ствол бамбука, и ее начало рвать.

Из глаз текли слезы, нос щипало. Внутренности выворачивало наизнанку от тяжелого, сладковатого запаха крови. Каждый спазм словно выталкивал из нее не только содержимое желудка, но и остатки той невинной жизни, которую она знала до этого дня.

Когда приступ наконец отпустил, Эмили выпрямилась на дрожащих ногах, утирая рот рукавом. Заставляя себя не смотреть на изувеченные тела, раскиданные по поляне как сломанные куклы, она нашла взглядом Сайто.

Тот, согнувшись, опирался на катану словно на трость. Его рука, прижатая к боку, покраснела от крови.

— Вы ранены! — вырвалось у нее, и собственный голос показался надломленным и чужим.

— Ерунда, — сквозь зубы процедил он. — Ничего серьезного.

«Врешь!» — пронзила ее острая мысль, а следом накатил волна панического страха. Что, если он умрет? Что, если она останется одна среди этого кошмара? Этот страх придавил ей сил, и Эмили бросилась к Сайто.

От запаха крови накатил новый приступ тошноты. Эмили сорвала листок бамбука и сунула в рот. Еще на корабле, страдая от морской болезни, она усвоила, что рвотный позыв можно унять, если что-нибудь пожевать.

— Дайте взглянуть! — в ее голосе прорезалась сталь, удивившая ее саму.

Сайто приподнял брови, но ничего не ответил. Он медленно выпрямился, не сумев полностью подавить болезненный стон, но прежде чем позволить ей осмотреть рану, тщательно вытер катану и убрал ее в ножны. Только после этого он стянул пропитанную кровью накидку и спустил с плеч кимоно.

Его торс блестел от пота и крови. Грудь тяжело вздымалась при каждом вдохе. На первый взгляд, казалось, что он отделался лишь царапинами, но...

— Здесь, — тихо сказал он, поднимая руку.

Эмили ахнула: вдоль ребер, от подмышки до самого бедра, тянулся глубокий порез. Его края разошлись, обнажая алую плоть. Кровь, густая и темная, медленно сочилась по коже.

— Ничего серьезного?! — истерически выпалила Эмили. — Да вас чуть не разрубили пополам! Нужно сейчас же это перевязать!

Изогнувшись, Сайто посмотрел на свою рану.

— Это подождет, — его голос звучал спокойно, но Эмили видела, как подрагивают его пальцы. — Сначала нужно убрать отсюда подальше.

— Но вы истечете кровью!

В ответ Сайто отвязал с пояса холщовый мешочек и протянул ей.

— Присыпьте рану. Это поможет остановить кровь.

Развязав шнурок, Эмили начала обрабатывать порез черным порошком. Руки предательски тряслись, часть снадобья просыпалась на землю, но Сайто терпеливо молчал, позволяя ей заботиться о себе.

Под воздействием порошка рана потемнела, и кровотечение, казалось, начало замедляться.

— Спасибо, — поблагодарил Сайто, когда она закончила.

— Что теперь? — спросила Эмили, стараясь унять дурноту. — Вам нужно вымыться, вы весь в крови...

— Здесь недалеко есть водопад. Возьмите свои вещи и пойдем.

Эмили кинулась к багажу, стараясь не смотреть на трупы, что валялись вокруг. Присев на корточки, она принялась дрожащими пальцами распутывать узлы, крепящие короб с ее вещами к остальному грузу.

Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах, а непослушные руки никак не могли справиться с простейшей задачей. Паническое желание бежать отсюда как можно дальше жгло изнутри.

— Подадите мне сменную одежду? — голос Сайто над головой заставил ее вздрогнуть.

Подняв глаза, Эмили увидела, что он стоит рядом, опираясь на бамбук.

— Если я нагнусь за ней, боюсь, уже не разогнусь, — попытался пошутить Сайто, но кривая улыбка на его покрытом испариной лице скорее походила на гримасу боли.

— Конечно Где она? — Эмили постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно, хотя внутри все сжималось от напряжения.

Сайто кивнул на сверток синей ткани, прикрепленный к багажу. Сверток был скручен и обвязан веревочками так, что образовывал нечто вроде сумки, которую можно повесить через плечо.

— Благодарю, — сказал Сайто, принимая сверток. — Если можно, еще и вакидзаси.

— Вакидзаси? Что это?

— Меч.

Его взгляд указал на тело самурая в зеленом кимоно, распластавшееся в траве. Из его спины торчал короткий клинок.

— Д-да, конечно, — пробормотала Эмили, чувствуя, как взмокли подмышки.

Каждый шаг к телу давался с трудом. Запах смерти окутывал поляну удушливым одеялом. Дрожь пробежала по спине, когда Эмили представила, как близко была к тому, чтобы разделить участь этого человека. Замешкайся Сайто или промахнись — и она лежала бы здесь, изрубленная безжалостной сталью.

Собравшись с духом, она схватила за рукоять меча. Лезвие вышло из плоти с тошнотворным упругим сопротивлением. Из раны выплеснулась кровь. Стиснув зубы, чтобы сдерживать рвотный позыв, Эмили вернулась к Сайто и протянула ему оружие.

— Спасибо. — Он вытер вакидзаси и убрал его в ножны. — Все забрали? Идем.

Обнаженный по пояс, он выглядел жутко: кровь сочилась из пореза, пропитывая штаны и спущенное с плеч кимоно. В воздухе висел тяжелый металлический запах, отчего мутилось в голове. Эмили чувствовала, как холодный страх сжимает ее изнутри.

— Вы точно сможете идти? — дрожащим голосом спросила она. — Может быть, стоит перевязать рану прямо сейчас?

Сайто лишь покачал головой.

— Сначала ее надо промыть, а для этого нужна вода. Идем!

Но прежде чем отправиться в путь, он, пошатываясь, подошел к телу носильщика. Молитвенно сложив ладони, на мгновение замер, закрыв глаза. Отдав последнюю дань погибшему, Сайто двинулся прочь, не оглядываясь на трупы.

Эмили взгромоздила себе на спину короб с вещами и последовала за ним. Ее трясло от пережитого, а в груди поднимался безумный, почти истерический смех, хотя в этой бойне не было ничего смешного.

Сайто шел впереди размеренным шагом, но его плечи были неестественно напряжены, а рука то и дело непроизвольно дергалась к рукояти меча. Он словно ожидал, что из каждого куста может выскочить новый враг.

— Почему эти люди напали на нас? — голос Эмили прозвучал хрипло, будто она долго кричала, хотя во время схватки почти не проронила ни звука.

— У нас с ними... разногласия в политических взглядах, — уклончиво ответил Сайто.

Эмили споткнулась, и короб больно ударил ее по спине. Перед глазами снова вспыхнула картина: блеск стали, брызги крови, искаженные яростью лица.

— Настолько серьезные, что они были готовы вас убить?

Сайто остановился и повернулся к ней.

— Простите, что вам пришлось все это видеть. Самураи Хиго ненавидят нас, Сацума, и не упускают возможности бросить нам вызов. Им предоставился удобный случай поквитаться.

— Почему они вас ненавидят? — нахмурилась Эмили. Ее колотила мелкая дрожь, которую она никак не могла унять.

Сайто взглянул на нее из-под поля шляпы и тяжело вздохнул. Он привалился к стволу бамбука: рана явно давала о себе знать.

— В битве при Сэкигахаре Сацума и Хиго сражались на разных сторонах, — сказал он.

— Здесь была битва? — Эмили огляделась, словно ожидая увидеть следы сражения среди мирно колышущегося бамбука.

— Не здесь. Далеко отсюда. Она произошла — он на мгновение прикрыл глаза — где-то двести шестьдесят лет назад.

— Двести шестьдесят лет назад? — Эмили издала нервный смешок. — Это что, какая-то шутка?

— Вовсе нет. Тогда Япония была охвачена борьбой между кланами Токугава и Тоётоми. Сражение при Сэкигахаре решило судьбу страны. Токугава победил. Он стал сёгуном, и с тех пор его род правит Японией. А Сацума... — Его голос болезненно надломился. — Сацума билась на стороне проигравших... И теперь мы остались в тени — у нас нет права голоса в управлении государством.

Эмили молча слушала, чувствуя, как дрожь в теле постепенно сменяется оцепенением.

— Эта битва расколола страну пополам, — продолжал Сайто, глядя куда-то вдаль. — Проигравшие кланы до сих пор зализывают раны и жаждут мести, а победившие — думают, как бы их истребить.

— Но ведь прошло двести шестьдесят лет! Неужели кланы до сих пор помнят эти обиды?

— Самурай не может смириться с поражением, пока жив.

Эмили хмыкнула, отводя взгляд от его напряженного лица.

— В Европе за какие-нибудь тридцать лет все меняется до неузнаваемости, — сказала она. — А уж что было два века назад — никто и не помнит.

Сайто горько усмехнулся.

— А мы все лелеем старые обиды и грыземся между собой, пока западные державы развивают науку и завоевывают мир.

Он оттолкнулся от бамбука, пошатнулся, но устоял на ногах.

— Нам нужно идти

Глава 7

Вскоре сквозь шелест бамбука послышалось журчание воды. Тропинка вывела к живописному водопаду, серебристой лентой стекающему с замшелых камней. Струи, разбиваясь о валуны, вспенивали воду в маленьком пруду.

Во влажной дымке играла радуга, словно природа пыталась своей красотой стереть воспоминания о недавнем кошмаре.

Перед глазами все еще стояли те ужасные сцены: блеск мечей, брызги крови, изрубленные тела. Эмили мутило. Пальцы, вцепившиеся в лямки короба, мелко дрожали, к горлу то и дело подкатывала тошнота.

— Вы не возражаете, если я искупаюсь? — устало прозвучал голос Сайто.

Эмили взглянула на него. Ему и впрямь нужно было срочно помыться. Потный, окровавленный, в пропитанной кровью одежде — в таком виде на людях показываться нельзя. Да и рану следовало промыть.

Она кивнула.

— Конечно. Я подожду вас вон там.

Поставив на землю короб с пожитками, Эмили отошла в бамбуковую рощу, окружавшую озеро. Тело все еще сотрясала дрожь.

Прислонившись к стволу, Эмили закрыла глаза, но картины схватки будто отпечатались на внутренней стороне век. Она снова видела оскаленные в ярости лица, слышала хрипы умирающих, звон клинков. Язык словно пощипывало от металлического привкуса крови.

Пытаясь отвлечься от навязчивых воспоминаний, Эмили оглянулась на водопад. В про свете между зарослями она увидела, как Сайто вытаскивает из-за пояса мечи и опускает на землю.

Когда он сбросил кимоно и начал развязывать пояс штанов, она отвернулась, чувствуя, как загорелись щеки.

«Если кто-то узнает, что я была в лесу наедине с полураздетым мужчиной, моей репутации конец», — подумала она.

В чопорной Голландии девица считалась скомпрометированной и за куда меньшие прегрешения. Осталась без присмотра с мужчиной хоть на пару минут — все. Если он не возьмет тебя в жены, то слава падшей женщины обеспечена тебе до конца твоих дней.

— Господи, какая чушь! — пробормотала Эмили, прислонившись лбом к прохладному бамбуковому стволу. — Мы только что пережили кровавую бойню, а я думаю о таких пустяках. Главное — выбраться отсюда живой, а о репутации буду печься потом если это «потом» наступит.

Рискнув снова обернуться к водопаду, она увидела, что Сайто уже вышел из воды и неторопливо наматывает на себя белую набедренную повязку. Рана багровым росчерком пересекала его правый бок. Закончив с повязкой, Сайто стал оглядываться по сторонам.

«Меня ищет», — догадалась Эмили, чувствуя, как сердце забилося быстрее.

Подходить к полуголому мужчине было неловко, но ничего не поделаешь, придется ему помочь. Она приблизилась, старательно отводя взгляд от его тела.

— Эмири, простите, но я вынужден просить вас об услуге, — произнес Сайто, когда она подошла. — Нужно зашить рану, а сам я не дотянусь.

— Х-хорошо. — Эмили судорожно сглотнула. Как всякой женщине ей доводилось заниматься шитьем, но штопать человеческую плоть — никогда.

— У меня есть иголка и нитка, — он кивнул на сброшенную одежду, лежащую на траве. — В кошеле с черепахой.

Не понимая, о какой черепахе идет речь, Эмили присела над грудой окровавленных вещей. Рядом с поясом она обнаружила мешочек со шнурком, на конце которого висел резной брелок в виде черепашки.

Эмили невольно улыбнулась, на мгновение забыв о пережитом кошмаре. Забавно, что грозный самурай, способный одним взмахом меча лишить человека жизни, носит такую милую безделушку.

— Нашла! — она повернула голову, сжимая кошель в руке.

И уперлась взглядом в блестящие от воды мускулистые мужские бедра. Хоть набедренная повязка и прикрывала все, что полагается прикрывать, Эмили почувствовала, как горячая волна смущения заливает лицо до самых корней волос.

Она отвела глаза и торопливо поднялась.

— Да, это он, — спокойно кивнул Сайто, словно не замечая ее смятаения. — Иголka и нитка внутри.

Его, казалось, совершенно не смущала собственная нагота, или он хорошо это скрывал. Впрочем, по дороге сюда постоянно встречались прохожие без штанов, а то и вовсе в одних набедренных повязках, особенно крестьяне на полях. Видимо в столь жарком климате это в порядке вещей.

В кошеле обнаружился сверток с иголкой и ниткой. Эмили снова ощутила, как задрожали руки, а желудок скрутило от страха.

«Господи, за что мне такие испытания? — мысленно взмолилась она. — Я понятия не имею, как зашивать раны. Почему это должна делать именно я? Я же могу только навредить!»

Сайто смотрел на нее так спокойно, словно перед ним была не перепуганная неумеха, а доктор медицины из Лейденского университета.

— Вам раньше приходилось зашивать раны? — поинтересовался он.

— Нет, — призналась Эмили, чувствуя, как от паники холодеют кончики пальцев.

— Наверное, мне лучше лечь. Так вам будет удобнее.

— Да, пожалуй.

Сайто осторожно опустил на траву. Его лицо исказила гримаса боли, но он сдержал стон, только желваки заходили на крепко стиснутых челюстях. Улегшись, он завел руку за голову, выставляя раненый бок.

Эмили сполоснула руки под водопадом и, стараясь не думать о том, что ей предстоит сделать, села на колени рядом с ним. Кровь почти не текла: вероятно, холодная вода остановила кровотечение. Между побелевших краев раны зияла алая плоть, и от этого зрелища снова стало не по себе.

— Кожа прокалывается довольно тяжело, — предупредил Сайто. — Вам придется приложить усилие.

Эмили сглотнула застрявший в горле ком. Пальцы дрожали так, что она едва могла удерживать иглу. Сделав глубокий вдох, она подавила желание зажмуриться и проткнула край раны. Иголka вошла в кожу с противным хрустом.

Сайто напрягся, его мышцы окаменели. У Эмили тоже все сжалось внутри. В висках застучала кровь.

Кое-как протолкнув кончик иглы, она по привычке попыталась сразу же проколоть и второй край, словно зашивая прореху на платье. Но руки тряслись все сильнее, и она никак не могла правильно направить острие.

— Шейте по одному слою! — сдавленно простонал Сайто. По его лицу катился пот.

— Простите! — ее голос сорвался на жалкий всхлип, похожий на писк испуганной мыши.

Усилием воли подавив дурноту, она полностью продела иглу сквозь прокол. Затем ткнула острием во второй край раны с внутренней стороны. Сайто со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, его пальцы судорожно вцепились в траву.

— Извините! — Эмили отдернула иглу. От бессилия и отчаяния защищало в глазах.

«Боже, помоги мне не упасть в обморок прямо сейчас», — мысленно взмолилась она.

— Все в порядке, — голос Сайто звучал хрипло, но твердо. — Не бойтесь причинить мне боль.

— Но у вас пошла кровь! — пробормотала она, с ужасом глядя, как из разреза ползет алая струйка.

— Ничего страшного. Кровь промоет рану, и она лучше заживет.

Дальше пошло полегче. Эмили сообразила, как накидывать петлю на иголку после каждого стежка, чтобы надежно стянуть края. Совсем как при подрубке белья, только материал сейчас был куда более... живым.

Руки все еще дрожали, но уже не так сильно, и она кропотливо зашивала рану, то и дело утирая струящийся по лбу пот.

За все это время Сайто не издал ни звука, хотя, судя по вздрагиваниям и напряженным, словно каменным мышцам, ему приходилось нелегко.

Наконец Эмили наложила последний стежок. Ее потряхивало как в лихорадке. Сайто с трудом поднялся на ноги и, морщась от боли, все же сумел отвесить церемонный поклон.

— Спасибо. Без вас я бы не справился, — произнес он.

Эмили, нервно сжала и разжала дрожащие пальцы. События последнего часа все еще не укладывались у нее в голове.

— Это вам спасибо, — выдавила она. — Я виновата в том, что произошло. Если бы вам не пришлось меня сопровождать, мы бы не угодили в засаду.

— Зато теперь у меня на шестерых врагов меньше. — Сайто усмехнулся, на миг показав белые зубы. Его крупные, чуть выступающие резцы придавали улыбке какой-то трогательный, почти детский вид.

Эмили почему-то смутилась.

— Что ж, хорошо, если так, — пробормотала она, торопливо отводя взгляд от его лица.

— Теперь рану нужно перевязать, — он снова стал серьезным. — В моих вещах есть запасные фундоси. Пожалуйста, принесите их.

— Что такое фундоси?

— Вот. — Сайто указал на свою набедренную повязку, слегка поморщившись от движения.

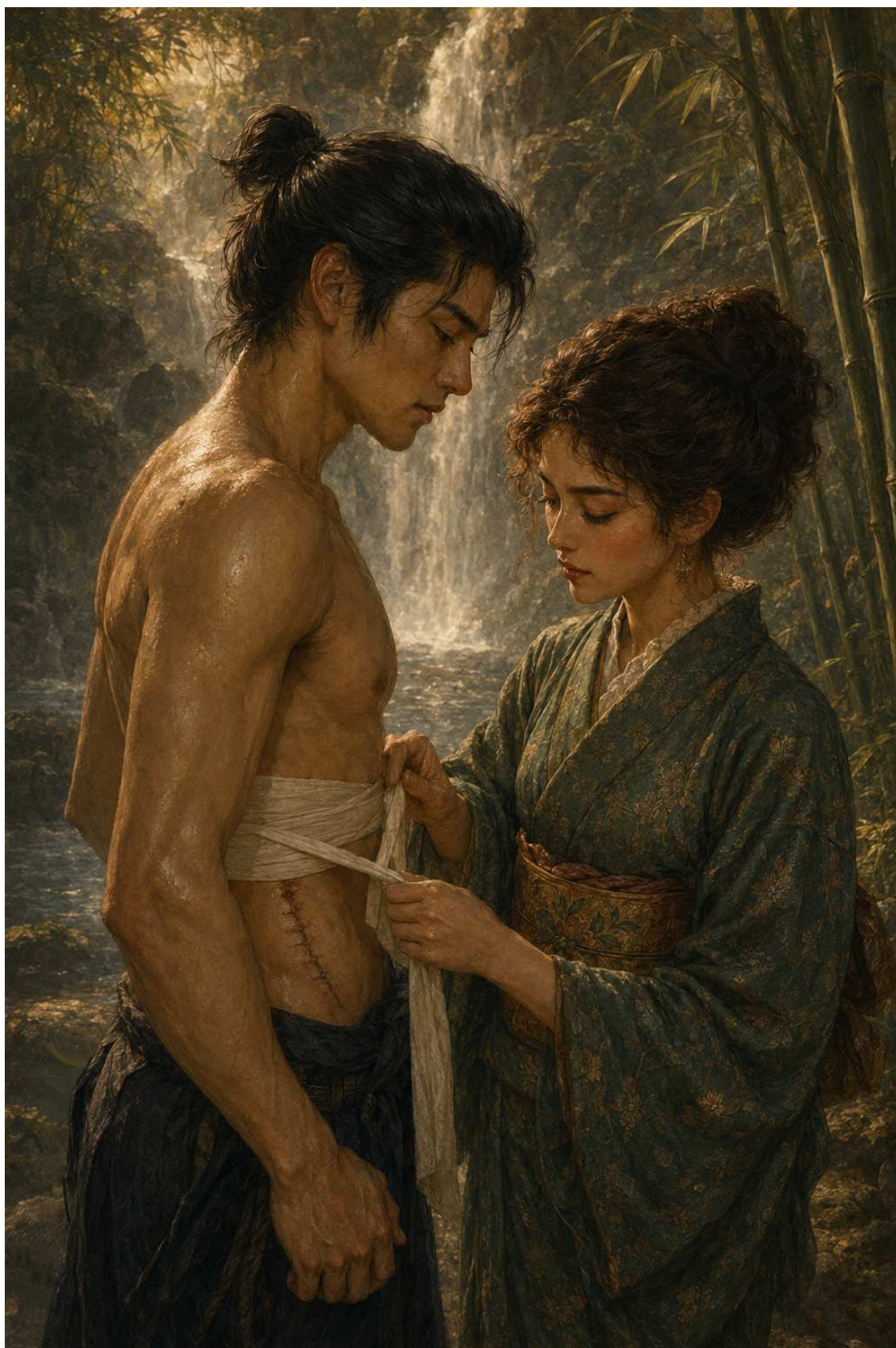
Фундоси представляли собой полосу ткани, которую вполне можно использовать в качестве бинта. Эмили быстро отыскала в узле с одеждой белый сверток. Сайто подошел поближе. Взяв протянутый рулон, он стал неловко оборачивать полоску вокруг своего торса.

Было заметно, что каждое движение причиняет ему боль, но он упрямо стискивал зубы, не желая просить о помощи.

— Давайте я помогу, — не выдержала Эмили, когда повязка в третий раз чуть не выскользнула из его пальцев.

— Если вас не слишком затруднит, — неохотно ответил Сайто, передавая ей моток. С видимым усилием он приподнял руки и добавил: — Начинайте снизу.

Эмили принялась наматывать повязку.

Она потупилась, избегая зрительного контакта, но это не облегчало задачу. Взгляд невольно скользил то по широким плечам, то по изгибу ключиц, то спускался на мускулистую грудь, задерживаясь на маленьких темных сосках.

Воздух сгустился в горячее марево, и все казалось нереальным, словно во сне. Сердце билось гулко и тяжело, колени ослабли. «Что со мной творится? Может, солнечный удар?» — в смятении думала Эмили, пытаясь сконцентрироваться на перевязке.

К ее облегчению, полоска ткани вскоре подошла к концу. Оставалось лишь закрепить повязку.

— Позвольте, — Сайто взял кончик материи и надорвал вдоль. — Вот. Завяжите на узел. Эмили быстро выполнила его указание.

— Спасибо. — Он поклонился, и по его лицу пробежала судорога боли.

— Не стоит благодарности, — пробормотала Эмили, чувствуя, как горят мочки ушей.

На деревянных ногах она подошла к водопаду и умыла пылающее лицо. Взгляд упал на окровавленную одежду, бесформенной кучей лежащую на земле. На тяжелый запах уже начали слетаться стайки мух.

К счастью рядом лежал узел со сменными вещами, который Сайто прихватил с места сражения.

— Помочь вам переодеться? — предложила Эмили, поднимаясь на ноги.

Он ответил не сразу. Ему явно было непросто просить ее о помощи уже в который раз. Молчание затянулось, но она терпеливо ждала, давая ему время справиться с гордостью.

— Буду признателен, — наконец произнес он.

Эмили развернула сверток и обнаружила там несколько вещей.

— С чего начать? — спросила она.

— Сначала — нагадзюбан м-м нижняя одежда.

Эмили подняла предмет, напоминающий белый халат, и вопросительно взглянула на Сайто.

— Это он?

Тот кивнул. Она помогла ему просунуть руки в рукава и опоясаться белой тесьмой. Затем он попросил косодэ — верхнее синее кимоно, украшенное чуть заметным узором. Следом оби — шелковый пояс с ладонь шириной с витиеватым орнаментом.

— Как его завязывать? — поинтересовалась Эмили.

— Спасибо, я сам, — мягко ответил Сайто. — Это так просто не объяснить.

Он завязал пояс замысловатым узлом, и Эмили подала ему широкие серые штаны в мелкую полоску. Сайто назвал их «хакама». Но когда он попытался влезть в штанину, его внезапно повело, и Эмили едва успела подхватить его под локоть.

— Все в порядке, Эмири. Я справлюсь, — пробормотал Сайто.

Он дышал тяжело и прерывисто, на лбу выступили капельки пота.

— С вами точно все хорошо?

— Да... Просто закружилась голова.

— Неудивительно, вы ведь потеряли столько крови! Давайте, я помогу.

— Простите, что причиняю вам столько хлопот

— Хватит уже извиняться! — неожиданно резко выпалила Эмили. — Это я причиняю вам кучу хлопот. Если бы не я, вы бы сейчас спокойно сидели дома и пили чай.

Сайто издал смешок, но тут же схватился за раненый бок.

— Уж простите, Эмири, но так меня воспитали, — с легкой улыбкой произнес он. — «Среди цветов — сакура, среди людей — самурай». Мой отец часто повторял эти слова.

— И что они означают?

— Как сакура — первая среди цветов, так и самурай должен быть первым среди мужчин. Вести себя безупречно, чтобы служить примером для остальных.

— Вы меня тоже простите, — пристыженно пробормотала Эмили. — Не знаю, что на меня нашло.

— Ну вот, мы оба снова извиняемся, — заметил Сайто.

Эмили невольно усмехнулась и вдруг осознала, что напряжение, царившее между ними, растаяло как утренний туман.

— Давайте уже я помогу вам одеться, — весело сказала она. — Иначе, какой пример вы подадите, разгуливая без штанов?

Сайто фыркнул, но промолчал. К счастью, благодаря глубоким вырезам на боках надевать хакама оказалось не так уж и сложно. Опираясь на ее плечо, он осторожно просунул ноги в штанины, затем принялся завязывать тесьму. Некоторые шнурки располагались сбоку и сзади, и Эмили была вынуждена ему помочь.

Справившись с хакама, она потянулась к лежащим на траве мечам, но замерла на полпути. В памяти всплыл утренний разговор. Господи, неужели это было всего лишь несколько часов назад? Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

— Могу ли я коснуться вашего оружия, господин самурай? — спросила она.

— С оружием я должен управиться сам, — твердо ответил Сайто. — Иначе какой из меня воин?

Осторожно опустившись на колени, он поднял катану и вакидзаси с травы, затем выпрямился и засунул их за пояс. Каждое движение давалось ему с явным трудом.

— Меч — душа самурая, — глухо произнес он, закрепляя ножны на поясе. — Воин, потерявший меч, должен совершить сэппуку.

Сэппуку... Эмили вздрогнула. Она хорошо помнила тот вечер, когда читала об этом в «Путешествии по Японии» Зибольда при тусклом свете свечи.

Ритуальное самоубийство, когда человек вспарывает себе живот. Даже сухое научное описание вызвало у нее такую дурноту, что пришлось отложить книгу.

— Тот последний нападавший... — она запнулась, к горлу подкатил ком. — Он тоже совершил сэппуку?

Сайто бросил на нее удивленный взгляд.

— Да. А как вы догадались? В Голландии тоже так делают?

Эмили передернуло.

— Боже упаси! Самоубийство у нас — величайший грех.

— Но что же тогда делает воин, попавший в плен? Военачальник, проигравший битву? — в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

— Ничего. Их держат в заключении до конца войны, потом отпускают.

— Но как они после этого живут? Ведь они потеряли честь!

— Почему же? — Эмили нахмурилась. — Они храбро сражались, просто удача была не на их стороне. Жизнь не заканчивается на поражении. А себя убивают лишь трусы, которые боятся последствий своих поступков.

Сайто не ответил, но его лицо окаменело, а губы сжались в тонкую линию. Эмили поняла, что он явно не одобряет ее слова. Ей стало не по себе. Она вдруг ощутила, как велика пропасть между их мирами, как разнятся взгляды на жизнь, честь и долг.

— Выходит, тот человек зарезался, потому что проиграл битву? — спросила она, чтобы прервать затянувшуюся тишину.

— Он потерял лицо, — ответил Сайто. — Они напали на меня вшестером и потерпели неудачу. Даже псы из Хиго не в силах пережить такой позор.

Он потянулся к сучку, где висела его шляпа, похожая на перевернутую корзину. Надев ее, бросил на Эмили внимательный взгляд.

— Где ваша шляпа?

— Не знаю. Наверное, потерялась. — Эмили, смущенно коснулась непокрытой макушки.

— Наoko должна была положить вам платок. Нужно прикрыть голову. Ваш цвет волос привлекает внимание.

Эмили невольно провела рукой по волосам. От отца ей достался насыщенный рыже-вато-каштановый оттенок – тот самый, который Наоко сравнила с цветом сушеной хурмы.

— Хорошо, сейчас поищу.

Порывшись в коробе, Эмили нашла хлопковый бледно-голубой платок. Она попыталась его повязать, но так как носила шляпки, а не платки — все не могла сообразить, как это сделать.

— Позвольте мне, — предложил Сайто, заметив ее неловкие попытки.

Она кивнула. Он взял платок и, развернув его, внимательно изучил.

— Постараюсь вспомнить, как это делала моя мать.

Сложив платок треугольником, он подошел к ней ближе, осторожно поднимая руки к ее голове. Эмили вздрогнула от легкого прикосновения его пальцев к вискам, ощущая исходящую от него теплоту.

Пока он завязывал платок, она пыталась смотреть куда угодно, только не на его лицо. Но взгляд словно магнитом притягивало к его губам. Чувственные, с красивым изгибом, они казались слишком мягкими и выразительными для воина.

В горле пересохло. Эмили нервно сглотнула и, едва Сайто закончил с платком, отпрянула от него поспешно, как от огня.

— Идемте, Эмири, — произнес он ровным тоном, будто не замечая ее смущения. — Нужно поскорее добраться до постоянного двора.

Глава 8

Спрятав окровавленную одежду в зарослях, Эмили и Сайто продолжили путь. Близился вечер, но влажная жара, казалось, только усиливалась.

В суматохе боя Эмили потеряла веер. Хорошо, что Сайто уступил ей свой, и она усердно обмахивалась, разгоняя горячий воздух.

Бамбуковая роща сменилась на хвойный лес. Низкое солнце окрашивало стволы в темно-красный, и Эмили мерещилось, будто они измазаны кровью.

Где-то через час тропинка снова вывела их на большую дорогу, по которой двигалось множество путников. Сайто, сперва взявший бодрый темп, начал сдавать. Его шаги стали короче, он чуть заметно припадал на правую ногу, и Эмили догадалась, что рана дает о себе знать.

Она и сама была на пределе. Ступни гудели, словно их зажали в тиски. Она понуро плелась вслед за Сайто, чувствуя, что вот-вот окончательно выбьется из сил.

Наконец, впереди засветились огни какого-то селения.

— Почти добрались, — сообщил Сайто. — Не возражаете, если на постоялом дворе я скажу, что вы моя сестра м-м Юки?

— Ладно, — кивнула Эмили, — но я ведь не говорю по-японски.

— Вам и не придется говорить. Скажу, что вы немая или не в себе.

— Пусть будет так, — устало согласилась она.

Вскоре дорога превратилась в оживленную улицу, по обеим сторонам которой высились двухэтажные деревянные дома. На балконах и у дверей томно обмахивались веерами девицы в цветастых кимоно, нежными голосками зазывая прохожих внутрь.

Одна из них прильнула к Сайто, не обращая ни малейшего внимания на Эмили.

— Ах, самурай-сама, какой вы статный! Заходите, к нам!

— Мне нет равных в искусстве игры на флейте, — промурлыкала другая, хищно улыбаясь кроваво-красным ртом.

Эмили ощутила жар в щеках, хоть и не понимала, о чем идет речь. Сайто вежливо отклонил предложение, но мужчина, шедший неподалеку, воодушевился. Подхватив обеих девиц под руки, он направился с ними в дом.

— Кто это такие? — шепотом спросила Эмили, глядя на очередных прелестниц, которые, перевесившись через перила, чуть не вываливались с балкона в попытке привлечь прохожих.

— Они зазывают в гостиницы, — невозмутимо ответил Сайто.

— Но мне кажется они ведут себя несколько... непристойно.

— За отдельную плату с ними можно провести вечер или даже всю ночь, — сказал он так спокойно, будто речь шла о самых обыденных вещах. — Мы называем это «разделить чашу саке до рассвета».

Эмили густо покраснела, ошеломленная его прямоотой.

— Ясно... — сгорая от стыда, пробормотала она.

Они брели дальше. Сумерки сгущались, и повсюду зажигали бумажные фонари. Многие из прохожих несли собственные фонарики, отчего улица походила на праздничное шествие в день святого Мартина. Ароматы жареной рыбы заставляли рот наполняться слюной.

Наконец, Сайто указал на здание впереди.

— Пришли, — сообщил он, вытирая лоб рукавом. — Гостиница «Уми-я». Мы остановимся здесь.

— Почему именно здесь? — поинтересовалась Эмили, разглядывая двухэтажное строение, которое практически не отличалось от соседних домов.

— Потому что хозяйка — моя давняя знакомая, — ответил он.

Раздвижная дверь была гостеприимно открыта, а вход украшали короткие, расписанные иероглифами занавески. Сайто откинул их рукой и шагнул внутрь. Эмили, чувствуя, как от усталости подкашиваются ноги, последовала за ним.

Их встретила женщина в синем кимоно и отвесила глубокий поклон.

— Добро пожаловать в Уми-я, Сайто-донó, — с учтивой улыбкой произнесла она.

Эмили невольно вздрогнула, увидев черный провал ее рта. Еще совсем не старая, а уже без зубов?

Но тут она разглядела: зубы на месте, просто они... черные.

Кажется, Зибольд в своей книге упоминал, что замужние японки чернят зубы. Выглядело это странно и пугающе, но кто она такая, чтобы судить чужие обычаи?

— Это моя сестра Юки, — представил ее Сайто. — Юки, познакомься с хозяйкой гостиницы — Сумико-сан.

— Не знала, что у вас есть сестра, — с улыбкой произнесла Сумико.

Сайто наигранно вздохнул.

— К сожалению, Юки не совсем в здравом рассудке, потому редко покидает дом, — с видом заботливого брата пояснил он.

«Не совсем в здравом рассудке?! — мысленно возмутилась Эмили. — Вот же змей!»

— Решил отвести ее в храм Кусида, — продолжал Сайто. — Быть может, ками смилоствятся и даруют ей исцеление

Пока Сумико рассыпалась в похвалах его братской заботе, Эмили огляделась по сторонам, борясь с желанием прислониться к стене.

В полумраке холла виднелась гостиничная конторка, такая низкая, что за ней явно работали сидя на полу. Вдоль стены тянулась вешалка с зонтами, шляпами и соломенными плащами, напоминающими охапки сухой травы. Широкая деревянная лестница вела на второй этаж.

Участок у входа был земляным, присыпанным мелким гравием, а основная часть холла располагалась на приподнятом дощатом полу.

— Прошу, входите, — поклонилась Сумико.

Сайто уселся на приступок и начал развязывать веревочки своих варадзи. Похоже, у японцев принято разуваться не только дома, но и в общественных местах.

Эмили стало не по себе. В Европе тема ног, особенно женских, считалась почти неприличной. В уважаемых домах Амстердама даже мебельные ножки прятали под чехлами во избежание фривольных ассоциаций.

Немного поколебавшись, она все же присела на ступеньку и принялась непослушными пальцами развязывать тесьму.

— Хару-тян! — позвала хозяйка. — К нам пожаловали гости.

Из глубины дома появилась молоденькая служанка с деревянным ведром. Первым делом она отвесила низкий поклон.

— Хару-тян позаботится о вас, — произнесла Сумико. — Если потребуется что-то еще, я всегда к вашим услугам. Приятного отдыха.

— Большое спасибо, — кивнул Сайто.

Хозяйка удалилась, а Хару-тян аккуратно убрала их обувь в ящичек под ступенькой. Затем пододвинула к Сайто ведро. Эмили в изумлении смотрела, как он стащил носки и погрузил ноги в воду, а Хару-тян принялась мочалкой смывать с них грязь.

«Вот это обслуживание! — поразила Эмили, украдкой разглядывая служанку. Совсем юное, почти детское лицо с припухлыми щечками. — Господи, сколько же ей лет? У этих японцев совершенно невозможно определить их возраст».

Закончив с Сайто и промокнув его ноги полотенцем, девушка почтительно поклонилась.

— Благодарю, — кивнул тот, и служанка передвинула ведро к Эмили.

— Прошу, госпожа.

Эмили замешкалась в нерешительности. Оголять ступни при всех? Однако Сайто без тени смущения сидел на ступеньке, вытянув босые ноги. Очевидно, в отличие от европейцев, японцы не видят в ногах ничего неприличного.

О, какое же это оказалось блаженство — стащить пыльные носки и окунуть натруженные ступни в прохладную воду!

Служанка с удивительной деликатностью водила мочалкой по подошвам, бережно промывая пространство между пальцами, и Эмили с трудом удержалась, чтобы не застонать от неожиданного удовольствия.

«Какой чудесный обычай! — подумала она. — И почему в европейских гостиницах не додумались до такого?»

Завершив омовение, девица грациозно поднялась с колен и поклонилась.

— Прошу за мной, я провожу вас в вашу комнату.

«В комнату?» — повторила Эмили про себя. Мысли путались от усталости, но в них промелькнул тревожный вопрос: неужели комната всего одна?

Сайто попытался встать, но вдруг покачнулся. Эмили невольно дернулась, чтобы его поддержать, однако он устоял на ногах. По его лицу пробежала судорога боли. Рана явно мучила его все сильнее.

— Сюда. — Служанка направилась к лестнице, освещая путь бумажным фонарем.

Они двинулись следом. Так непривычно шлепать по ступеням босыми ногами, но, похоже, здесь это в порядке вещей. Навстречу спускалось двое постояльцев, и они тоже были босиком.

Поднявшись на второй этаж, они побрели по коридору вдоль ряда сдвижных дверей. Из-за бумажных створок пробивался свет, отчего изображенные на них черно-белые пейзажи обретали мистическую глубину. Сквозь тонкие стены доносился приглушенный гомон, и было ясно, что гостиница полна людей.

Наконец служанка остановилась перед единственной в ряду темной дверью. Эмили с трудом держалась на ногах, желая лишь одного — поскорее прилечь.

— Это сливовая комната, Сайто-сама, — объявила Хару-тян. — Она приготовлена для вас.

«А что насчет комнаты для меня?» — подумала Эмили.

Сайто, будто уловив ее беспокойство, произнес:

— Моей сестре потребуется отдельная комната.

— Разумеется, мы все устроим, — поклонилась служанка. — А пока прошу отужинать здесь.

— Хорошо.

Войдя первой, Хару-тян опустилась на колени и зажгла напольный светильник. Эмили с любопытством осмотрелась. Комната была невелика, но казалась просторной из-за почти полного отсутствия мебели.

Сопровождая отца в деловых поездках, Эмили привыкла к тесным номерам европейских гостиниц, под завязку набитым громоздкими креслами, кроватями и шкафами. Даже в самых роскошных отелях старались использовать каждый дюйм свободного места.

Здесь же обошлись самым необходимым. Низенький лаковый столик с потертыми углами, переносная жаровня, напольный фонарь. У стены примостились подставка для оружия и складная ширма

— Пожалуйста, располагайтесь, — произнесла служанка, склонившись в глубоком поклоне. — Я принесу ужин.

— Благодарю, — кивнул Сайто.

Хару-тян, шурша кимоно, выскользнула за дверь. Сайто подошел к окну, раздвинул створки и выглянул наружу. Эмили из любопытства тоже приблизилась.

Во внутреннем дворике гостиницы раскинулся небольшой, но очаровательный сад. Среди густой зелени мерцали каменные фонари, придавая саду сказочный вид.

— Красиво! — выдохнула Эмили, подставляя лицо свежему вечернему ветерку.

— Действительно красиво, — рассеянно отозвался Сайто. — Однако сейчас меня больше интересует, как, если что, можно отсюда сбежать.

— Думаете, нам здесь что-то угрожает?

— В Хиго лучше быть готовыми ко всему.

Сайто задвинул створки и отошел от окна. Вытащив из-за пояса катану, он водрузил ее на подставку, оставив вакидзаси при себе. Эмили заметила, что его движения скованны и тяжелы.

— Как ваша рана? — с беспокойством спросила она.

— Могло быть и хуже, — сухо произнес он.

— Позвольте мне осмотреть.

Он молча кивнул и спустил с плеч верхнюю часть кимоно. В неверном свете фонаря на повязке отчетливо виднелись бурые пятна. Эмили принялась разматывать ее, осторожно разлепляя ссохшиеся от крови бинты. Наконец показался шов.

Края раны выглядели припухшими и воспаленными, между нитками сочилась сукровица. Эмили нахмурилась, не зная, нормально это или нет.

— Больно? — спросила она, едва касаясь горячей кожи вокруг шва.

— Ничего страшного, — отрывисто ответил Сайто, но Эмили заметила, что мышцы под ее пальцами напряглись.

— Нужно сменить повязку.

Среди вещей Сайто не нашлось подходящей ткани, и тогда Эмили решительно достала из короба свою нижнюю юбку. Оторвав длинный лоскут полотна, она принялась старательно бинтовать рану.

— Простите за беспокойство, — пробормотал Сайто, пока она осторожно обматывала повязкой его обнаженный торс. — Мне следовало бы принять ванну. Неловко заставлять вас терпеть запах моего пота.

— Все в порядке, — поспешно заверила его Эмили, но предательское сознание тут же вынудило ее принахаться.

Она и впрямь уловила слабый, но отчетливый запах пота. И, о ужас, он исходил не от Сайто, а от нее самой!

В памяти всплыли язвительные слова Наоко о зловонных варварах, и щеки вспыхнули от стыда. Эмили невольно отстранилась, молясь, чтобы Сайто не учуял, что это от нее несет как от потного моряка.

— Я бы непременно вымылся, но здесь только общая купальня, — словно извиняясь, продолжил Сайто. — Кто-нибудь может заметить рану и донести властям.

— А зачем сообщать властям? — Эмили нахмурилась, связывая между собой концы бинта.

— Если убитых самураев уже нашли, то будут искать виновника. Человек с раной от меча вызовет слишком много вопросов.

— Но ведь они первые напали на нас! Вы защищались.

— Верно, — терпеливо ответил Сайто. — Но у меня нет времени месяцами сидеть в тюрьме, пока идет следствие. Полагаю, у вас его тоже нет. — Он внимательно посмотрел на нее. — Вы ведь спешите в Нагасаки?

— Да, спешу.

Сайто не ответил. Натянув кимоно на плечи, он сел на татами, приняв свою обычную позу. Даже раненый и уставший, он держал спину безупречно прямой.

Эмили и не пыталась подражать этой церемонной манере. Она просто плюхнулась на циновку и блаженно вытянула ноги перед собой. Не развязывая, стащила платок, с наслаждением покрутила головой, разминая шею, и привалилась к стене.

— Сколько еще осталось до Нагасаки? — спросила она, борясь с подступающей дремотой.

— Полтора дня пути.

— Ясно. А когда мы туда придем... Куда, по-вашему, мне лучше направиться?

Сайто отвел глаза, словно избегая прямого ответа.

— Я отведу вас к Ямаширо-сама. Он знает, как вам помочь.

— Но почему бы сразу не пойти в порт и не узнать о корабле? Зачем терять время?

— Давайте обсудим это завтра, — мягко произнес он.

Прежде чем Эмили успела ответить, снаружи послышался голос:

— Это Сумико. Можно войти?

Сайто бросил на Эмили быстрый, но выразительный взгляд. Она поняла его без слов и торопливо приняла подобающую позу. Села на колени, расправила кимоно и, подняв с татами платок, надела его на голову, пытаясь придать себе благопристойный вид.

— Прошу, входите! — сказал Сайто.

В комнату вошла, точнее вползла на коленях Сумико, и сразу же пала ниц.

— Приношу свои глубочайшие извинения, Сайто-сама, — не поднимая головы, затараторила она, — но у нас больше не осталось свободных комнат. Вам с О-Юки-сан придется расположиться вместе.

Эмили застыла, чувствуя, как от лица отхлынула кровь. Спать в одной комнате с мужчиной? Это же просто немыслимо! Мало того, что она провела с ним наедине целый день — неслыханное нарушение приличий само по себе — так теперь еще и это?

Кто знает, какие непристойности могут произойти под покровом ночи? По шкале нравственного падения, где даже излишне кокетливый взгляд уже считался проступком, ночь в обществе мужчины равносильна полному моральному краху.

Погруженная в лихорадочные раздумья, она пропустила мимо ушей разговор Сайто с хозяйкой. Очнулась лишь когда появились две служанки с подносами. Они разожгли жаровню, поставили на нее чайник и повесили на перекладину у стены два легких халата — темно синий и розовый.

Эмили вопросительно взглянула на Сайто, словно ожидая, что он развеет ее беспокойство, но тот с непроницаемым видом смотрел, как служанки сервируют столик и заваривают чай.

Лишь когда они удалились, бесшумно задвинув за собой дверь, он заговорил:

— Эмири, мне жаль, но у них нет для нас второй комнаты. Нам придется разделить эту.
— Его голос прозвучал устало и тихо.

Эмили молча смотрела на него, не находя слов. Руки предательски затряслись, и она сцепила пальцы, пытаясь унять дрожь.

Видя ее замешательство, Сайто с явным усилием поднялся на ноги.

— Не берите в голову, — сказал он. — Я найду себе другое место для ночлега.

Он шагнул к двери, но покачнулся и прислонился к стене, чтобы не упасть.

— Нет, стойте! — Эмили подскочила с циновки.

— М? — обернулся он.

— Где вы собираетесь ночевать?

— Не беспокойтесь. Найду какой-нибудь сарай.

— Но вы ранены! Было бы нечестно выставлять вас за порог после всего, что вы сделали для меня. Если уж на то пошло, покажите, где этот сарай. Я сама там переночую.

— Вы предпочитаете спать в сарае с бродягами, лишь бы не оставаться в одной комнате со мной? — усмехнулся Сайто.

— С бродягами? — Эмили растерянно моргнула, только сейчас осознав всю наивность своего предложения.

— Не у всех есть деньги на гостиницу. Те, кто победнее, довольствуются любой кучей соломы, которую могут найти. Вряд ли вы отыщете хоть один навес, под которым никто бы не устроился на ночлег.

Эмили покраснела, смущенно теребя рукав.

— Я... об этом не подумала, — пролепетала она, чувствуя, как от усталости и переживаний начинает кружиться голова.

— Эмири, — тихо позвал Сайто, и дождавшись, пока она посмотрит ему в глаза, твердо сказал: —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.